

18+

АРИ ЭШ

Пустоши:
Пепел и тени

Ари Эш

Пустоши: Пепел и тени

«Издательские решения»

Эш А.

Пустоши: Пепел и тени / А. Эш — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Под
черным радиоактивным небом они объединяются, чтобы противостоять
неостановимому. Их противник — Тот, что крадет души и разум. Их
прошлое — лишь пепел и тени... Смогут ли они выиграть войну собственным
демонам? Книга содержит нецензурную брань.

© Эш А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. От крови ангела и зверя	6
...	8
...	10
...	13
...	16
Глава 2. Сломанная кукла	18
...	19
...	21
...	23
...	24
...	25
...	27
...	29
Глава 3. Ночь и цветок	30
...	32
...	34
...	36
...	37
...	39
...	40
...	42
...	44
...	45
Глава 4. Муравейник	47
...	48
...	50
...	51
...	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Пустоши: Пепел и тени

Ари Эш

© Ари Эш, 2026

ISBN 978-5-0070-8779-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается другу и соавтору в память о золотом времени сотворчества

Глава 1. От крови ангела и зверя

Золотистый песок сверкал под белым солнцем. В его лучах раскаленная пыль пустыни казалась россыпью золотого снега. Воздух над землей дрожал от зноя. Поселение выглядело так, словно с трудом выросло из самой этой растрескавшейся земли — низенькие, слепленные из глины и ржавых остовов старых фургонов дома топорщились во все стороны хаосом труб, торчащих антенн и гниющих проводов. Но для детей, сидевших в пыли, это было лучшее место на земле.

Детские руки увлеченно выкапывали из трещины крупный корень со множеством отростков. Мальчик с горящими золотом на солнце темными волосами выглядел куда старше своих семи лет: долговязый и худой, с крупными руками и странной, чуждой выживающему миру безмятежностью во взгляде. На его шее, поверх потрёпанной одежды, болтались веревочки с нанизанными косточками, острыми камушками и парой пустых склянок с жестяными крышками. Склянки тихо позвякивали при каждом движении, словно отсчитывая время.

Рядом, затаив дыхание, сидела его младшая сестра. Ей было около трех лет, и на ее детском личике уже проступали признаки наследственной болезни: темное пятно омертвевшей кожи вокруг правого глаза, который сиял неестественным ярко-голубым светом, резко контрастируя с обычным серым цветом левого...

— Братик... зачем ты копаешь корешок? — спросила девочка. — Это для мамы, — серьезно ответил мальчик. Девочка наклонилась ближе. — Оооо! Какой большой! И волосатый! — с восторгом захихикала она, замахав ручками. — Живорост, — светло-голубые глаза мальчишки вспыхнули азартом.. — я раздавлю его. Вот так! — он пару раз ударил кулаком о ладонь и с заговорщицкой улыбкой подмигнул сестре. — Мы принесем маме кислый сок, и она поправится!

Он с блаженным вздохом откинулся назад и сел рядом с сестрой прямо на песок, вытягивая гудящие ноги и шевеля пальцами. — Ууфф... как же ноги устали... — пробормотал он.

Ветер ласково растрепал волосы мальчика и девочки. Когда Суорн открыл глаза и посмотрел вдаль, на барханы, он увидел знакомую фигуру. Это был их отец, потомственный глава местных рейдеров. Высокий, массивный мужчина, увешанный оружием, медленно брел к их хибаре. Он шел, опустив голову и странно шатаясь.... Его лицо было густо-красным, а глубоко посаженные мрачные глаза смотрели вперед невидящим взглядом. В руке он крепко сжимал горлышко бутылки.

— ... папа какой-то грустный... — растерянно заметила девочка.

Суорн встревоженно обернулся к ней. Глухое, унаследованное от отца чутье на мгновение заставило его напрячься, — Ати, — велел он, — дуй домой. Я скоро вернусь. Девочка послушно встала и потопала прочь, шаг за шагом неуверенно оборачиваясь назад. Суорн ободряюще помахал ей рукой. — Я скоро, — повторил он.

Отец так устал. Маме было хуже последнее время.. но сок живороста точно поможет ей. Так старый Вэн говорил. Еще бы пару корешков.....

Суорн с увлечением выкопал еще пару крупных, узловатых корней живороста, которые в его воображении уже превратились в спасительный кислый сок. Торопливо скидав добычу в тощий мешок, он закинул его через плечо. Стекланные пустые склянки на его шее тихо и умиротворяюще звякнули. Мальчик зашагал в сторону дома.

Их дом — массивная глинобитная хибара, скорее похожая на уродливую крепость, — возвышался над остальными постройками поселения. Двор был широким и пугающим для чужаков, но совершенно привычным для Суорна. На вкопанных столбах, болтались многочисленные трофеи: искореженная техника, ссохшиеся отрубленные головы, по которым было невозможно понять, чьи они, чье-то ржавое оружие и даже потрепанное, выцветшее на солнце

светлое женское платье неведомого кроя, трепещущее на ветру, словно призрак из другой жизни. А прямо посреди двора тяжело осел в пыль броневик. На его крыше тускло щерился ствол пулемета. Это значило только одно: отец дома.

У самого входа Суорн замер. Воздух здесь был другим. Мальчик услышал приглушенное, захлебывающееся хныканье. Глухой, влажный стук. А затем в его чуткие ноздри ударил густой, тяжелый запах ржавчины и сырой меди. *Запах крови*. Он стремительно переступив порог, шагнул в полумрак, и его мир рухнул.

Мама.

Она лежала на полу, пугающе неподвижная, раскинув руки. Ее когда-то красивое, а теперь изуродованное черной болезнью лицо было запрокинуто навзничь, а бывшие всегда ласковыми глаза смотрели на Суорна заплывшим остекленевшим взглядом. Под ней расплзалась черная в полумраке лужа. Рядом валялась разбитая бутылка, густо вымазанная алым.

— Братииииик! Истошный, режущий барабанные перепонки визг разорвал тишину. Суорн вскинул голову. Крупная, волосатая ручища держала его трехлетнюю сестренку за одну маленькую ножку. Девочка болталась в воздухе вверх тормашками, а над ней, покачиваясь, нависала гора мускулов. Огромный, потный мужчина с налитыми кровью глазами. В его свободной руке тускло блеснуло лезвие ножа, уже занесенного для удара. В мозгу Суорна что-то с оглушительным звоном оборвалось. От животного, парализующего ужаса за сестренку разум в момент отключился: *он даже не осознал, что перед ним — отец*. Рассудок семилетнего ребенка отказался узнать в этом мяснике родного человека. Перед ним был *монстр*. Воплощенная смерть, пришедшая за Ати.

На смену детскому страху пришла тьма. В крови Суорна проснулся первобытный, унаследованный звериный гнев и безошибочное «чутье на смерть». Из его горла вырвался пронзительный, почти нечеловеческий крик.

Суорн был неуклюж — тощий семилетний мальчишка с непропорционально длинными руками и ногами, — но действовал он с точной, молниеносной быстротой. С цепкостью разъяренной обезьянки он взвился в воздух и вскочил на плечи нагнувшегося пьяного гиганта.

Монстр качнулся, дико пытаясь сбросить неожиданную тяжесть, но Суорн был быстрее. В его кулачках уже были зажаты две заостренные косточки — его смешные, нелепые игрушечные «медицинские инструменты», висевшие на шее, которыми он так хотел вылечить всех. Ведомый звериным инстинктом и слепой яростью, мальчишка выбросил руки вперед и с хирургической точностью вонзил оба продолговатых предмета прямо в налитые кровью глаза чудовища.

Время замедлилось. Мужчина взревел — это был вой животного, обезумевшего от шока и разрывающей мозг боли. Его пальцы разжались, выронив плачущую малышку. Ослепленный гигант дико рванулся вверх, теряя равновесие. Его огромная туша полетела вниз, и затылок с тошнотворным, влажным хрустом впечатался в край тяжелого деревянного стола. Удар пробил висок и сломал основание черепа. Хруст кости прозвучал в хибаре громче пулеметной очереди. Чудовище рухнуло на пол и замерло навсегда.

Суорн тяжело дышал, глядя на свои окровавленные руки. Он еще не понимал, что только что убил своего отца, но в этот момент что-то непоправимо умерло вместе с ним.

...

При падении Суорн больно ударился, отделавшись то ли сильным ушибом, то ли подвывихом левой ноги. Боли он почти не почувствовал. В ту самую секунду, когда его отец рухнул замертво, в голове семилетнего ребенка с оглушительным щелчком опустился невидимый рубильник, наглухо отключив все эмоции.

Кровь. Слишком много чужой крови. Суорн зачерпнул жесткими пальцами горсть пыли и принялся методично замазывать красные пятна на своей коже и на одежде сестренки, превращая их в обычную дворовую грязь. Ати не сопротивлялась. Она застыла в глубоком, парализующем шоке.

Суорн взял ее за маленькую, ледяную ручку. — Топ-топ, Ати, — ровным, гипнотическим шепотом произнес он, инстинктивно выбирая самые простые слова, чтобы не дать ей расплакаться и осознать реальность. — Мама спит. Папа спит. А мы идем гулять. Топ-топ.

И она послушалась. Малышке было не до своеволия. Словно заведенная кукла, она механически переставляла ноги, одну за другой, следуя за братом.

Они шли через территорию банды. Суорн слегка прихрамывал, но шаг его был обманчиво спокоен. Двор уже был полон отцовских людей. Суровые, вооруженные головорезы лениво провожали взглядами долговязого мальчишку и крошечную девочку, но никто не решился окликнуть их. Отец Суорна был слишком деспотичным, чтобы кто-то рискнул лезть в его семейные дела, да и что, в сущности, особенного в двух детях, идущих к воротам?

— Мелкие главаря что-то далекооо намылились, — задумчиво протянул один из бандитов, провожая их тяжелым взглядом.

— И хрен с ними, — пожал плечами его приятель, даже не сдвинувшись с места. — Пусть сам ищет щенков. Я к нему не сунусь. С тех пор, как его баба гниет, босс совсем куку. — выразительно покрутил он пальцем у виска. — Да уж... — хмыкнул первый. — Так любить телари... вона, смотри! — толстый палец его указал на изорванное платье на столбе, полощущееся в воздухе, как флаг побежденного.

— Со следами первой брачной ночи! — гоготнул второй и вдруг осекся. — Погодь. Щенята совсем ушли...

Старый, битый жизнью мародер, сидевший чуть поодаль, сплюнул в пыль и сощурился вслед удаляющимся детским фигуркам. — Они от крови ангела и зверя. — хрипло произнес он с неожиданной уверенностью. — Они не пропадут. Спустя пару сотен шагов Ати начала спотыкаться, и Суорн молча подхватил ее на руки, продолжая свой упрямый путь. Вскоре впереди показалось облако пыли. Это был караван, медленно бредущий в другой город, расположенный неподалеку. Суорн с сестренкой прибил к замыкающим повозкам на этот короткий момент перехода. Никто из погонщиков даже не обернулся. В жестоком мире Пустынь высоко ценили свободный выбор, и никто не собирался спрашивать двух грязных детей, откуда они взялись.

Мама спит. Папа спит... Теперь они по-настоящему свободны...

С тех пор Ати молчала. Ни единого слова, ни плача, ни даже шепота. Лишь широко распахнутые глаза, в которых навсегда застыл тот самый момент, когда оборвалась их прежняя жизнь.

Они прятались в заброшенном сарае на окраине чужого, равнодушного города. Это было жалкое укрытие: косые стены из гниющего дерева, крыша, сквозь которую безжалостно палило дневное солнце и сочился ночной холод. Суорн, как мог, по-нищенски обустроил для сестренки гнездо из найденного тряпья и какого-то старого брезента. За эти пару дней он научился выживать с пугающей, звериной ловкостью. Он воровал еду. Выжидал в пыльной тени, а затем молниеносно выхватывал лепешки у зазевавшихся прохожих. Он рыл землю голыми, сбитыми

в кровь руками, добывая бурую влагу, и по капле цедил ее сестренке сквозь грязные фильтры-тряпки.

Но от реальности нельзя было спрятаться в сарае. Ужас пережитого, изматывающая дорога и ледяные ночи Пустынь сделали то, чего не смог сделать нож их отца. Ати заболела.

Это случилось стремительно, как налетает песчаная буря. Еще утром она просто сидела, глядя в стену, а к вечеру ее маленькое тельце начало гореть. Жар был таким сильным, что, казалось, от ее кожи исходит пар. Суорн сидел рядом на коленях, с нарастающим ужасом вслушиваясь в ее тяжелое, свистящее дыхание. — Мама... — вдруг нечленораздельно, сухо простонала Ати, метаясь в бреду. — Папа...

Каждое слово было как удар ржавым гвоздем в висок. Суорн в отчаянии мерил шагами тесный земляной пол сарая. Ему было всего семь. Семь лет, но внутри него билось огромное, разрывающее грудь желание вылечить, спасти, не отдать ее смерти. Но он не знал, как. Его глупые, детские корешки больше не помогали. Вода не сбивала жар. Сестренка угасала прямо на глазах.

Он выскользнул из сарая на улицу, жадно глотая пыльный воздух, пытаясь унять панику. Не останавливаясь, прошел несколько кварталов вперед. И тогда он увидел *ее*.

На другой стороне улицы, словно издевательская насмешка над их грязью и нищетой, сверкала чистыми стеклами богатая аптека. Там, за витриной, рядами стояли пузатые флаконы, чистые бинты и склянки с прозрачными жидкостями. *Там была жизнь. Там было спасение для Ати.*

Суорн сделал шаг вперед, собираясь броситься к дверям, упасть на колени перед аптекарем и умолять о помощи. Но тут в его памяти, темный и тяжелый, всплыл голос отца. Тот самый густой хриплый бас, которым папаша поучал свою банду рейдеров. «В Пустынях каждый сам за себя, щенок. Просишь — значит слаб. А слабых здесь жрут».

Суорн остановился. Его детская вера в то, что взрослые могут быть добрыми, умерла там, в луже крови на полу их старой хибары. Больше он не будет просить. И не будет никому доверять. Если ему что-то нужно для сестренки — он это возьмёт. Как делал его отец.

Мальчик сунул руку за пазуху своей оборванной рубашки и нащупал острый, зазубренный камень, висевший на верёвочке. Его тонкие пальцы сжались на самодельном оружии до побеления костяшек. В его светлых глазах исчез испуганный семилетний ребенок. Там остался только загнанный в угол хищный зверек, готовый перегрызть глотку любому, кто встанет между ним и спасением его сестры.

Он не пойдет просить. Он отнимет.

...

Дверной колокольчик звякнул над головой пронзительно и тонко, словно вскрикнула испуганная птица. Внутри аптеки пахло чуждой для Пустынь магией: спиртом, сухими травами, чистым стеклом и надеждой. Для Суорна, чьи легкие привыкли к запаху пыли, пота и ржавой крови, этот стерильный воздух показался обжигающим.

Он не стал красться. Времени не было. Мальчик бросился к стеллажам с грацией изголодавшегося дикого кота. Его грязные, сбитые в кровь пальцы замелькали над полками. Удивительно, но он не хватал яркие флаконы с популярным дурманом или сладким сиропом, на которые обычно зарилась уличная шпана. Ведомый крохами знаний и чутьем, Суорн безошибочно выхватывал именно то, что требовалось для борьбы со смертью: тяжелые стеклянные ампулы с антибиотиками широкого спектра, настойки, порошки и бинты. Он лихорадочно запихивал их за пазуху своей оборванной рубашки, когда чья-то огромная, мясистая рука сомкнулась на его шее.

Его буквально оторвали от пола.

— Попался, поганец. — хмыкнул кто-то.

Удар под дых был страшным. Из легких мальчика со свистом выбило весь воздух, и он кулем рухнул на чисто выметенные доски пола. Пару склянок с жалобным звоном разлетелись вдребезги. Над ним нависли двое — сыновья аптекаря, рослые, откормленные парни с потными, красными от жестокого азарта лицами.

А затем они начали его бить.

Они били методично и безжалостно, тяжелыми подкованными ботинками. Вспышка слепящей белой боли разорвала сознание Суорна, когда носок сапога впечатался ему под ребра, заставив их зловеще хрустнуть. Но он не кричал. Лишь свернулся в тугой клубок, инстинктивно закрывая своим худым, покрытым синяками телом не голову, а те несколько заветных ампул, что остались целы за пазухой. В его голове, заглушая хруст собственных костей, громко и неотвратимо тикало время. Каждая секунда, проведенная на этом полу под ударами сапог, была секундой, украденной у умирающей в темном сарае Ати.

— Хватит стараться, Марк, — тяжело дыша, бросил один из братьев, брезгливо вытирая ботинок о штанину Суорна. — Вызывай патруль. Сдадим этого отброса кому надо. На площади пустует петля, там ему самое место.

Петля. Это значило, что он никогда не вернется. Это значило, что Ати останется одна в темноте. Суорн зарычал — тонко, по-звериному, пытаясь отползти, но тяжелый сапог придавил его к полу.

— Оставьте его.

Голос был старческим, надтреснутым, но непрерываемым, как сухая ветка, сломавшаяся в тишине. Из подсобки вышел сам аптекарь — сгорбленный седой человек в чистом фартуке. Он подошел ближе, отстранив опешивших сыновей, и опустил взгляд на скорчившегося в луже крови Суорна.

Старик не смотрел на разбитое лицо мальчика. Он смотрел на осколки на полу и на те пакетики и ампулы, которые Суорн судорожно прижимал к груди.

Аптекарь нахмурился. Его выпуклые глаза профессионала мгновенно оценили выбор. Никакой дурманящей дряни. Никаких сладких леденцов. Только мощнейшие препараты, оставившие сепсис и сбивающие смертельный жар. Выбор *врача*. Выбор того, кто отчаянно и осознанно борется с костлявой старухой-смертью.

— Папа, это поганый вор! Мы его сдадим! — возмутился старший сын. — Заткнись, — тихо велел старик.

Он медленно опустился на колени перед мальчиком. Суорн зажмурился, ожидая последнего, смертельного удара, но вместо этого почувствовал, как сухая, пахнувшая лекарственными травами рука мягко легла ему на плечо.

Впервые с того момента, как нож отца опустился над Ати, взрослый прикоснулся к Суорну не для того, чтобы убить или причинить боль.

— Забирай то, что спрятал за пазухой, сынок, — прошептал старик так, чтобы слышал только он. — И беги. Беги к тому, ради кого ты здесь. Беги так быстро, как только могут твои ноги.

Суорн распахнул свои удивительно светлые глаза, уставившись на аптекаря. В его простреленном болью сознании забились отчаянная, болезненная благодарность. Он не сказал ни слова. Он просто вскочил, чуть не поскользнувшись на собственной крови, и рванулся в открытую дверь, навстречу раскаленному ветру Пустыни, крепко прижимая к груди украденную жизнь.

...Он бежал так, как не бегал еще никогда в жизни. Легкие горели огнем, сломанные ребра при каждом вдохе вонзались в плоть тупыми осколками, но он не обращал внимания на боль. Главное было там, под грязной, пропитанной кровью рубашкой. Стеклянные ампулы, охлаждающие кожу. *Жизнь. Он нес жизнь.*

Когда Суорн ворвался в полумрак заброшенного сарая, первым, что на него обрушилось, был не запах пыли и сухой гнили. Это была тишина. Больше не было тяжелого, свистящего дыхания. Не было нечленораздельного детского бреда. Только глухая, звенящая пустота, в которой было слышно лишь его собственное загнанное сердцебиение.

— Ати? — позвал он пересохшим шепотом, лихорадочно вытаскивая из-за пазухи заветные лекарства. Его дрожащие пальцы легли на край грязного брезента. — Я принес, Ати. Смотри. Я принес...

Девочка не шевельнулась. Суорн опустился на колени. Его рука коснулась ее плеча, затем спустилась к худенькой шее. Под пальцами была лишь пугающая, стылая неподвижность. Холод, которому не место в раскаленной Пустыне. Болезнь, усиленная пережитым ужасом и изматывающей дорогой, сожгла ее маленькое тельце дотла, пока он корчился на полу аптеки под тяжелыми сапогами. Стеклянные ампулы — его чудо, его вырванная зубами победа — с тихим стуком выкатились из ослабевших рук на земляной пол. Они больше не имели смысла. Все его знания, все инстинкты, все его отчаянное желание спасти разбились о ледяную реальность. Он *опоздал*.

В этот момент, где-то глубоко внутри него что-то с сухим треском лопнуло, как гнилая ветка под каблуком. Он не кричал, как тогда, над залитым кровью телом матери. У него не осталось крика. Суорн молча скорчился рядом с сестренкой, неловко обхватил ее остывающее тельце своими неестественно длинными руками и уткнулся лицом в спутанные волосики.

«Все ушли, — медленно и тяжело, как мельничный жернов, ворочалась в голове мысль. — Мама спит. Папа спит. Ати спит. Теперь моя очередь».

Он крепко зажмурился и приготовился умереть. Он искренне хотел этого. Желал, чтобы голод, жажда или его собственные раны просто выключили свет, позволив ему уйти за ними во тьму.

Но свет не выключался.

Прошел день. Потом еще один. Сменялись обжигающе жаркие дни и пробирающие до костей ледяные ночи Пустынь. Суорн лежал в полузабытьи, прижимая к себе мертвую сестру, ожидая конца. Но смерть, так легко и несправедливо забравшая его семью, отказывалась забирать его самого. Его организм оказался пугающе, проклято сильным. Наследие убитой матери-телари — та самая «райская кровь», дающая высокую температуру тела, физическую выносливость и быструю регенерацию — превратило его желание умереть в затяжную, мучительную пытку. Сломанные ребра мучительно, но упрямо срастались. Избитый организм цеплялся за

жизнь, заставляя сердце биться ровно и гулко. Он не мог умереть, как бы сильно этого ни хотел. Собственное тело стало для него такой же безжалостной клеткой, как этот сарай.

На исходе второго дня, когда грань между реальностью и вязкими галлюцинациями окончательно стерлась, дверь сарая со скрипом отворилась, впуская внутрь слепящий клин пыльного солнечного света. Суорн не открыл глаз. Он лишь инстинктивно, по-звериному сжался, еще крепче прикрывая собой сестру от вторжения.

Послышались медленные шаги. Кто-то с тяжелым вздохом опустился рядом с ним на колени. Воздух наполнился едва уловимым, до боли знакомым запахом спирта, чистых бинтов и сушеных трав. Старик-аптекарь, чье неожиданное милосердие не смогло спасти Ати, все-таки пришел. Он отыскал его — грязного, избитого его же сыновьями, полумертвого от горя мальчишку, который упрямо сжимал в объятиях труп, а вокруг в пыли валялись так и не открытые драгоценные ампулы.

Старик протянул сухую морщинистую руку и осторожно коснулся спутанных, слипшихся от крови волос мальчика. Смерть снова отступила, неохотно уступая место чему-то другому...

...

Харлан Штопальщик, старый аптекарь с узловатыми, пропахшими травами и йодом пальцами, и правда не ушел. Он поднял мальчика на руки и пошел прочь из того пропитанного смертью и отчаянием сарая.

Когда руки старика бережно, но настойчиво разнимали окоченевшие объятия скорчившегося рядом с трупом мальчишки, тот не сопротивлялся. Харлан поднял обмякшее тело ребенка на руки и едва не споткнулся от неожиданности. Несмотря на крупный рост, длинные конечности и мощный, неестественно крепкий костяк, исхудавший мальчишка оказался пушинкой. Лишь кожа да кости... да упрямо бьющееся сердце. Но было и еще кое-что, заставившее старого лекаря вздрогнуть. Сквозь грязные лохмотья тело ребенка пылало таким жаром, словно внутри у него работала плавильная печь. Обычный человек сгорел бы от такой температуры за сутки. Харлан осторожно ощупал грудную клетку мальчишки, и его выцветшие глаза расширились: ребра, превращенные сапогами его сыновей в крошево, неумолимо срастались, и Харлан чувствовал это буквально под пальцами...

«Телари, — вдруг понял Харлан, прижимая к себе обжигающе горячее тело.

Этот жар и пугающая регенерация были визитной карточкой тех, кого в Пустынях поминали лишь шепотом. Харлан был лекарем среднего порядка. Он повидал многое, но сейчас, глядя в недвижимое лицо полумертвого оборвыша, он испытал жадную, почти суеверную уверенность. Этот мальчишка с теларийской кровью не просто выживет. С такими то подарками — генами и инстинктом, заставившим его безошибочно выбрать антибиотики — он смог бы стать тем... кем сам Харлан стать так и не сумел.

Он принес его в аптеку и положил в подсобке. Ночами, когда стылый ветер Пустынь скребся в ставни старой аптеки, Харлан Штопальщик говорил. Он втирал вонючую мазь в тощую спину Суорна, под пальцами ощущая неестественный жар тела мальчика — жар, который не убивал, а исцелял, выдавая с головой скрытое наследие древней теларийской крови. И под этот монотонный шорох песчинок за окном старик рассказывал о Городе 12.

— Представь себе гигантские часы, зависшие прямо в небесах, сынок, — хрипел Харлан, и в его выцветших глазах зажигался фанатичный, почти религиозный огонь. — Двенадцать парящих Цитаделей. Это не просто базы, это безупречный механизм, щит, который Технократы держат между нашим радиоактивным пеклом и чистыми облаками Телариса. Каждый город — как шестеренка, выполняющая свою задачу. Город 3 — кузница металла и оружия. Город 8 — генератор энергии. А на самой вершине этого невидимого циферблата, там, где стрелки сходятся на полуночи, висит Город 12. Венец науки. Место, где скальпель и провод спорят с самой Смертью.

Харлан говорил об этом с замиранием сердца, как о потерянном рае для любого врача. Он не знал правды.

— Я...я хотел пробиться туда, сынок. У меня не вышло. А ты... как знать...

Но Суорн не слушал. Для него мир закончился в тот момент, когда остыла его сестра. Внутри него осталась лишь выжженная, серая пустошь.

Первое время он существовал как пустая оболочка. Как заколоченный гроб, в который по чьей-то злой шутке забыли вбить последний гвоздь. Он стал механизмом. Безупречным, методичным и абсолютно равнодушным. Суорн мыл пробирки, оттирал полы и смешивал порошки с заведенной точностью, не произнося ни слова.

Это сводило родных сыновей аптекаря с ума.

Марку было шестнадцать, Тоду — четырнадцать. Рослые, прыщавые подростки, упивающиеся высоким статусом и собственной безнаказанностью, они с первых дней возненавидели молчаливого приемыша.

Поначалу они били его каждый день. Били в подсобке, зажимая в угол между пыльными мешками с сушеной корой, били на заднем дворе, втапывая его худенькое тело в грязный песок и ржавую пыль. Но в их жестокости не было той леденящей, темной решимости, которой обладал убитый отец Суорна. Марк и Тод были обычными трусами: им нравилось причинять боль тому, кто слабее, но перейти черту и по-настоящему убить человека им просто не хватало духу.

К тому же, бить Суорна оказалось до жути... *неуютным* занятием.

Любой нормальный ребенок плакал бы. Умолял о пощаде. Сворачивался бы в клубок, скулил, звал маму или хотя бы пытался закрыть лицо руками. Суорн не делал ничего из этого. Из-за своей скрытой теларийской крови он пугающе быстро исцелялся, а его болевой порог казался неестественно высоким. Но страшнее всего было то, что происходило у него внутри. После того как Ати умерла на его руках, душа мальчика просто выключилась, оставив после себя выжженный кратер.

Когда тяжелый ботинок Марка впечатывался ему в живот, Суорн просто падал. Он не издавал ни звука. Его удивительно светлые, по-взрослому глубокие глаза смотрели сквозь обидчиков с пустой отрешенностью трупa. Он реагировал на побои так, словно его тело принадлежало кому-то другому, а сам он находился за тысячи шагов отсюда.

В один из дней, когда Тод в очередной раз приложил Суорна лицом о косяк, а мальчик лишь медленно сполз по стене, оставляя кровавый след, и уставился в пустоту своим мертвым, потухшим взглядом, Марк не выдержал. Старший брат тяжело дышал, его лицо пошло красными пятнами, но вместо торжества в его глазах читался суеверный, липкий страх перед этим ненормальным ребенком.

— Да пошел ты, — с отвращением выплюнул Марк, отступая на шаг. — Пинать говно и то интереснее. Оно хотя бы воняет. Пойдем отсюда, Тод. Этот ублюдок и так уже дохлый.

Они ушли, а Суорн вытер кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони, поднялся на ноги и пошел работать.

Его работа в аптеке старика Харлана пугала братьев не меньше, чем его молчание. Суорн словно не был ребенком. Он действовал как безупречно отлаженная, заведенная машина — методично, безэмоционально, идеально точно. Харлан Штопальщик часами мог наблюдать из-за прилавка, как этот немой оборвыш перебирает ампулы, сортирует травы и моет пробирки. Маленькие пальцы Суорна ни разу не дрогнули. Он взвешивал опасные порошки на ювелирных весах с такой механической безупречностью, что старик чувствовал холодок вдоль позвоночника. В этой бездушной, машинной точности уже тогда угадывался врачебный талант, но пока она была лишь механизмом обреченности. Суорн просто ждал, когда наступит конец.

Дни сливались в один бесконечный, серый, пыльный поток стерильной рутины и тишины. До тех пор, пока в один из душных вечеров, вынося ведро с кровавыми бинтами и грязной водой на задний двор, Суорн не услышал звук... Это был даже не звук, а слабое, влажное шуршание в придорожной пыли у помойки. Суорн остановился.

Обычная пустынная крыса. Кто-то из уличной шпаны или сыновей старика ради забавы перебил ей камнем задние лапы и бросил подышать в пыльную канаву у черного входа. Зверек лежал в грязи. Маленький, серый, с окровавленными лапами и пятном запекшейся крови на боку. Он задыхался. Его крошечные ребра судорожно ходили ходуном, пытаясь захватить иссушающий воздух, а в черных бусинках глаз стоял тот самый, до боли знакомый, первобытный ужас перед надвигающейся тьмой.

Суорн стоял с пустым ведром в руках, и вдруг перед его мысленным взором с тошнотворным хрустом провернулась шестеренка. Это была не крыса. Это была мама, лежащая навзничь на полу их хибары. Это была Ати, хрипящая в бреду в темном сарае. Тот же запах. Та же беспомощность. Костлявая старуха-смерть снова пришла, чтобы забрать кого-то прямо у него на глазах, насмехаясь над его бессилием.

«Нет».

Слово не прозвучало вслух, но оно вспыхнуло в его омертвевшем мозгу ослепительной сверхновой. Ведро со стуком покатилося по пыли.

Суорн бросился на колени, его длинные, тонкие пальцы с поразительной, хирургической нежностью подхватили переломанный комочек шерсти. Он влетел в подсобку, не обращая внимания на окрик Марка. Его взгляд, месяцами остававшийся пустым, теперь горел тем самым неостановимым огнем абсолютной, фанатичной концентрации.

Мальчик смахнул с рабочего стола бинты и положил зверька под яркий свет лампы. Он не помнил, как в его руках оказались пинцет, тончайшая шелковая нить и капля драгоценного спирта. В этот момент включилась генетическая память и те обрывки знаний, которые он впитал от старика. Суорн работал так, словно от этого зависела судьба вселенной. Он ювелирно вправлял крошечные раздробленные косточки. Накладывал микроскопические лубки из спичек. Зашивал рваную рану на боку стежками, ровности которых позавидовал бы лучший теларийский портной. Он остановился только тогда, когда его окровавленные пальцы легли на грудку крысы. Под подушечками его пальцев билось крошечное сердце. Оно больше не трепыхалось в агонии. Ритм стал ровным. Уверенным. *Живым.*

Суорн смотрел на этот маленький спасенный комочек, и ледяная плотина внутри него с оглушительным треском рухнула. Семилетний мальчик осел на пол подсобки, прижал грязные ладони к лицу и впервые с того дня, как умерла сестра, разрыдался. Он плакал взахлеб, раскачиваясь из стороны в сторону, оплакивая мать, отца, Ати и свое сгоревшее детство. Но сквозь эти слезы пробивалось что-то новое, могучее и неистребимое.

Он не смог спасти их. Но он обманул смерть сегодня. Он вырвал у нее эту крошечную жизнь. И он будет делать это снова и снова.

...

В тот вечер Харлан Штопальщик не стал ворчать, когда застал немомго приемыша в пыльной колее заднего двора. Старик замер, уронив окурок, и просто смотрел, как этот жуткий, ненормальный ребенок с абсолютно неживым лицом и трясущимися руками собирает переломанные кости крошечного пустынного зверька. Пальцы мальчика скользили с пугающей точностью — так, словно он видел *сквозь кожу и мышцы...*

В тот день Харлан понял две вещи.

Первая: этот мальчишка был гением, рожденным вырывать жизни у Смерти. Вторая: Харлан был обязан передать ему всё, что знал сам.

Следующие три года изменили всё. Побои сводных братьев не прекратились, но Суорн перестал их замечать окончательно. У него появилась Цель. Он учился так, как не учился ни один человек в Пустошах. Он впитывал знания старика не как ребенок, а как губка, как безупречный механизм. Харлан учил его шить рваные раны, вправлять суставы, смешивать обезболивающее из ядовитых пустынных кореньев, и Суорн доводил каждое движение до абсолютного, машинного совершенства. У него была своя, жутковатая фора — уникальное чутье на скрытые повреждения и пульсацию жизни, доставшееся ему от теларийской крови матери. Старик часто ловил себя на том, что ему становится не по себе: ученик превзошел учителя еще на втором году обучения.

А потом Харлан умер.

Смерть, которую старик так часто отгонял от чужих порогов, пришла к нему самому — тихо, под утро, просто остановив его уставшее сердце. Для его сыновей — Марка и Тода это означало одно: теперь аптека полностью принадлежит им. А значит, пришло время навсегда избавиться от жуткого приемыша.

В тот душный вечер, когда пыльная буря царапала ставни, Марк спустился в подсобку, добела сжимая в потной ладони отцовский дробовик. Тод жался у него за спиной, нервно облизывая пересохшие губы. Они собирались его убить. Свести счета за свой собственный липкий страх, за все те разы, когда чувствовали себя ничтожествами под пустым взглядом этого ненормального пацана.

Суорн сидел на полу и методично укладывал вещи в потертую холщовую скрутку. Он даже не вздрогнул, когда лязгнул затвор и дуло дробовика уставилось ему в затылок.

Мальчик медленно повернул голову. Его светлые, пустые глаза, в которых не было ни капли страха, встретились с бегающим взглядом Марка. И в этот момент девятнадцатилетний громила с пушкой вдруг осознал пугающую истину: если он нажмет на курок, *этот жуткий отброс не умрет.*

Он просто встанет, истекая кровью, которая тут же начнет сворачиваться благодаря треклятым мутациям или черт знает чему еще, и тогда дробовик уже *не поможет.*

У Марка задрожали руки. Палец соскользнул с курка. — Пшел вон, — хрипло выдавил старший брат, стараясь, чтобы голос не сорвался на визг. — Убирайся в Пустоши, гад, пока я не размазал тебя по стене.

На угрозу Суорн отреагировал с эмоциями трупа — никак. Ни злости, ни обиды, ни торжества. Для него братья были просто фоновым шумом, пылью под ногами. Затянув ремешок на холщовой скрутке, он поднялся и молча прошел мимо них, даже не задев плечом. Он не взял из запасов Штопальщика ни денег, ни еды, ни теплой одежды. В его скрутке лежал лишь самый необходимый минимум, который он методично и хладнокровно стащил с аптечных полок: пара хирургических зажимов, моток стерильных нитей, несколько ампул с сильным обезболивающим и острый скальпель.

Выйдя за порог, Суорн остановился. Радиоактивный ветер Пустошей трепал полы его слишком большой, изношенной куртки, но одиннадцатилетний мальчик даже не ежился. Песок скрипел на зубах, мелкая серая пыль оседала на бледных щеках, но Суорн смотрел только вперед и вверх.

В его руке была крепко зажата потертая холщовая скрутка. Скальпель. Пара зажимов. Стерильные нити. Смешное, почти жалкое оружие для того, кто в одиночку выходит в огромный выжженный ад. Но Суорн не собирался воевать с Пустошами...

Он собирался воевать с правилами самого мироздания.

Шагая по растрескавшейся земле, он думал о Харлане. Старик Штопальщик дал ему ремесло. Старик научил его всему: как сшивать рваную плоть, как сбивать жар, как выторговать у Смерти еще пару дней, недель или даже лет.

Выторговать. Вот в чем была главная и самая горькая ошибка Харлана.

Травы, мази и настойки были лишь жалкой взяткой, жалкой попыткой откупиться от неизбежного. Суорн слишком хорошо помнил, как остывало крошечное тело его сестренки. Он помнил это леденящее ощущение ускользающей пульсации под своими дрожащими пальцами. И он больше не собирался ни с кем торговаться. Смерть была прожорливым вором, а Суорн шел туда, где его научат, *как отсечь этому вору руки.*

Он поднял взгляд. Сквозь токсичный пепельный смог, там, в недостижимой вышине, угадывались смутные, исполинские силуэты парящих Цитаделей. Скрытый во мгле безжалостный циферблат часов. Там, на самом верху, на отметке полуночи, висел Город 12. Обитель высшей науки, стерильного разума и абсолютного знания. Место, где нет грязи, бессилия и нет места случайностям...

Ветер завыл сильнее, равнодушно замечая его одинокие следы у порога старой аптеки. Одиннадцатилетний мальчик со странными, не по-детски спокойными светлыми глазами мерным шагом уходил во тьму Пустошей. В его карманах не было ни крошки хлеба, а впереди лежали десятки миль мертвой земли, кишящей мутантами и мародерами. Но он знал, что дойдет.

И у смерти не хватит сил его остановить.

Глава 2. Сломанная кукла

Безупречно белый, стерильный свет хирургических ламп отражался в луже густой черной сукровицы, натекашей на кафельный пол.

Двое молодых лаборантов в защитных костюмах брезгливо перекатали двухметровое, изломанное мутациями тело на край утилизационного шлюза. Тело было долговязым, бугристым, с выпирающим костяным хребтом, прорвавшим остатки больничной сорочки.

— Готов, — выдохнул первый, стряхивая черную слизь с перчаток. — Спускай. Второй лаборант потянулся к рычагу шлюза, бросив на изуродованное язвами лицо короткий взгляд: — Жуткая дрянь. А ведь когда-то был классным спецом. Слышал, он сам к нам пришел? — Угу. Надеюсь, что наши высоколобые выжгут из него заразу. Говорят, у него в геноме была чистая теларийская кровь. Шеф думал, этот биоматериал будет регенерировать вечно. — Ндааа... в конечном итоге, телари оказался одноразовым, как и все, — хмыкнул первый. — Давай рычаг уже.

Лязгнул металл. Створки шлюза разошлись, и массивное тело с глухим шорохом скользнуло во тьму лифтового мусоропровода, навсегда покидая небесные лаборатории Города 12.

...

Судьба — та еще паршивая сука. Суорн всегда отдавал должное ее извращенному чувству юмора.

Он лежал на спине, уставившись в затянутое токсичным пепельным смогом небо. Глубоко внутри его раздробленного падением тела с тошнотворным, влажным хрустом срастались кости и рваные органы. Проклятая теларийская регенерация. Она не дала ему умереть на операционном столе технократов, и она же не дала ему разбиться насмерть о груды гниющих тел внизу.

Суорн медленно, преодолевая боль, поднял руки и посмотрел на них. Шесть четырехсуставчатых пальцев. Длинные, неестественные тонкие когти вместо ногтей. В его почерневшем, покрытом язвами горле забулькал сухой, лающий звук. Это был смех. Грубый, безжалостный смех над самим собой. *Какая потрясающая карьерная лестница!*

Почти десять лет назад наивный малолетний бродяга сбежал с такой же помойки в радиоактивную мглу, свято веря, что наука способна победить Смерть. Он карабкался вверх, выдирая зубами знания, пока не стал Санатором. Стал тем, кто носил ослепительно белый халат в чистейших клиниках Города 12.

А затем память, не спросив разрешения, подсунула ему короткую, пронзающе яркую вспышку. *Темные волосы, пахнущие спиртом и мылом. Искренняя, понимающая улыбка. Маленький спасенный зверек на ее руках. И внезапный укус... Рита.*

Суорн судорожно втянул воздух со свистом сломанного механизма, словно ему в грудь вогнали ржавый штырь. Вина обрушилась на него удушающей волной, грозя раздавить остатки рассудка. Он отдал Городу 12 свое тело, наивно веря, что скальпели вырежут из него эту мутацию и эту вину. Они и вырезали. Выпотрошили, превратили в пугающего монстра, а когда биоматериал начал распадаться и гнить — просто спустили в унитаз.

Он заставил себя засмеяться снова, прячась за этим лающим, неестественным звуком от сводящей с ума боли. Хладнокровие отца сейчас было как нельзя кстати. Не время скулить.

Круг замкнулся.

Глядя на ржавые остовы машин и копошащихся в отдалении мусорных крыс, изуродованный мутант почувствовал внезапное, пугающе глубокое умиротворение.

«Все правильно, — подумал он, тяжело усаживаясь на груде окровавленных гниющих трупов. — Дерьмо всегда возвращается в канализацию».

Там, наверху, обитали чистые, праведные и гениальные. А его место было здесь, на дне. Он — биологический мусор, отрывка технократов, бракованная деталь. Его руки способны приносить лишь смерть. И больше он никогда не попытается карабкаться вверх. Мутант тяжело поднялся с горы тел, пугая копошащихся поблизости крыс. Ветер Пустошей мазнул по его изуродованному язвами телу токсичным смогом. Найдя на ком-то гору истлевшего тряпья, он закутался в грязные, вонючие лохмотья и тяжело прошел еще несколько сот шагов... пока не споткнулся обо что-то твердое. Суорн опустил взгляд. Его шестипалая рука, покрытая омертвевшей черной плотью, внезапно наткнулась на нечто странное среди остатков гниющих тряпок и тел.

Это был не кусок искореженного металла. Его острые хирургические когти зацепили гладкий, безупречно отполированный предмет.

Суорн поднес находку к лицу. Поначалу его новые, мутировавшие глаза со сплошными черными склерами, постоянно слезящиеся густой сукровицей, видели картинку мутно и расплывчато. Но затем зрение сработало со внезапной, нечеловеческой резкостью: взгляд мгновенно сфокусировался на предмете, различая микроскопические детали с идеальной точностью.

Это была изящная полумаска, искусно вырезанная из белой кости. Замысловатая, тончайшая резьба складывалась в симметричные, неземные узоры, совершенно чуждые этому грязному аду. Творение рук телари... Кусочек забытого Рая, выброшенный в канализацию мира точно так же, как и он сам.

Прикосновение к холодной, гладкой кости вдруг ударило по обнаженным нервам памяти, пробивая броню его только что выстроенного цинизма.

Мама.

Атея, телари из верхних колоний, чей светлый образ навсегда остался в его выжженном детстве. Суорн вспомнил изящество ее невесомых, светлых одежд неведомого кроя, которые так нелепо и трагично смотрелись в грязном дворе бандитского логова его отца. Он вспомнил тонкие резные костяные украшения, которые она носила на своих бледных запястьях. Найденная маска дышала тем же забытым, ангельским покоем.

Его губы дрогнули в подобии кривой усмешки, обнажив ряд острых, как иглы, зубов. Он больше не имел права носить человеческое лицо. Слишком много смертей оно принесло.

Медленными, пугающе точными движениями своих паучьих лап чудовище приложило костяную маску к своему обезображенному некрозом лицу и завязало ажурные ленты поверх длинных спутанных волос. Безупречное произведение неизвестного теларийского мастера надежно скрыло изуродованные глаза и сочащиеся язвы на скулах. Но под изящным абрисом маски по изуродованному лицу продолжали сочиться маслянистые темные слезы.

Плотно запахнув тряпье и надвинув капюшон, Суорн шагнул во тьму Пустошей.

...

Сшивать человеческое мясо изо дня в день — занятие, которое быстро лишает иллюзий. Для Суорна, ставшего нелюдимым костоправом в банде мародеров, чужая плоть давно превратилась в простой расходный материал. Шестипалые руки, увенчанные хирургическими когтями, двигались как поршни бездушного механизма: зажать артерию, вправить кость, наложить шов. Поможет — хорошо. Сдохнет от сепсиса на следующий день — Суорну было абсолютно плевать. Он никого не спасал. Он просто выполнял механическую работу, ожидая собственного конца в этом радиоактивном склепе.

Но затем банда вернулась с руин поселения при лепрозории, где накануне прогремел чудовищный теракт. Мародеры, привыкшие тащить всё, что плохо лежит, со смехом бросили к его ногам свою очередную находку, вытащенную прямо из эпицентра взрыва.

Суорн опустил взгляд, и его мутировавшие глаза, слезящиеся черной сукровицей, мгновенно сфокусировались.

Это был безнадежный пациент. Стопроцентный труп, который по какой-то злой иронии физиологии забыл перестать дышать. Девочке было лет четырнадцать, не больше. Ее гортань была перебита, выдувая кровавые пузыри с каждым хриплым вдохом, руки были изломаны под неестественными углами, а глаза — страшно выжжены. Любой вменяемый знахарь Пустошей просто свернул бы ей шею из милосердия.

Но Суорн смотрел не только на раны. Его цепкий взгляд выхватил детали, которые кричали о том, кем она была до того, как огонь содрал с нее кожу.

На ней не было типичных лохмотьев Пустошей. Девочка была одета в изящный, плотно прилегающий костюм из серо-зеленой замши — невероятно практичный, сшитый с идеальным расчетом на выживание в песках. Тонкая термоткань, безупречные швы, скрытые карманы, не стесняющие движений. Из растрепанных, слипшихся от крови темно-пепельных волос чудом не выскользнула металлическая заколка — изящная женская безделушка, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась идеально сбалансированным скрытым стилетом. Вся ее экипировка выдавала высококлассную, профессиональную городскую шпионку, обученную убивать и выживать.

Взрыв не просто убил ее. Он надругался над совершенством. В своей разорванной изящной одежде, с этими смертоносными безделушками в волосах, она выглядела как невероятно дорогая, прекрасная фарфоровая кукла, которую жестокий ребенок с размаху швырнул о бетонную стену.

Суорн медленно опустился на колени в грязную пыль. От девочки пахло паленой плотью, но сквозь этот запах пробивался легкий, едва уловимый аромат чистоты и каких-то забытых, нездешних цветов.

Гигант поднял свою изуродованную паучью лапу с острыми когтями. Он должен был перерезать ей сонную артерию. Одно движение — и ее агония закончится.

Но когти замерли в миллиметре от ее шеи.

Именно в эту секунду в мертвой, выжженной душе Суорна с оглушительным скрежетом провернулась заржавевшая шестерня. Эта загубленная, растоптанная юность ударила по его обнаженным нервам. Он слишком хорошо знал, каково это — смотреть, как Смерть забирает то, что должно жить. Он видел это, когда остывала его маленькая сестренка. Он видел это, когда яд убивал Риту. Смерть всегда приходила и забирала самых хрупких, смеясь ему в лицо, доказывая, что он ничтожество.

Смерть уже стояла и над этой сломанной куклой, предвкушая легкую добычу.

Под клювообразной костяной маской Суорна судорожно сжались челюсти, обнажив черные иглы зубов. *Нем.* В этот раз он не станет торговаться или отступать.

Механическое равнодушие испарилось, смытое ледяной, маниакальной одержимостью. Шестипалые когти гиганта, способные разорвать человека пополам, легли на изломанные плечи девочки с божественной, парадоксальной нежностью. Спасение этой разрушенной незнакомой шпионки в ту же секунду перестало быть работой. Оно стало его личным крестовым походом, его вызовом самому мирозданию. Впервые за долгие дни чудовище, выброшенное на помойку, снова стало Врачом.

...

Время остановилось, сжавшись до судорожного, булькающего хрипа перебитой гортани. Счет шел даже не на минуты — на удары угасающего сердца. Любой другой лекарь в Пустошах опустил бы руки перед столь фатальными повреждениями, но сейчас над девочкой склонился тот, чьи знания хирургии слились с нечеловеческими мутациями.

Суорн отбросил плащ, и его уродливое тело мгновенно начало излучать густой, обжигающий жар, превратив место взрыва в подобие теплого инкубатора. Это было его первым и самым важным спасательным кругом: температура его тела, обусловленная измененной мутациями теларийской кровью, не дала изломанной девочке умереть от глубокого шока и переохлаждения. Словно бы вместе с жаром он вливал в нее всю свою душу, поддерживая угасающий пульс.

Но девочка задыхалась, захлебываясь собственной кровью. Ее перебитая гортань выдувала частые розовые пузыри, кожа покрывалась холодным потом и кислород грозил перестать поступать в мозг.

Шестипалые руки метнулись к ее шее. Жуткие черные когти, способные вспаривать животы, в эту секунду стали тончайшими скальпелями и зажимами. Обладая инстинктивным чутьем человеческого тела, Суорн действовал вслепую, ориентируясь лишь на осязание. Двумя когтями он ювелирно пережал разорванные сосуды, останавливая внутреннее кровотечение, а остальными пальцами бережно, с невероятной точностью захватил и выровнял раздробленные хрящи гортани. Одним выверенным движением он освободил дыхательные пути, стабилизировав их так, чтобы воздух со свистом, но беспрепятственно пошел в легкие.

Убедившись, что она продышит хотя бы ещё несколько минут, он перешёл к изломанным рукам. Кости торчали под неестественными углами, грозя разорвать артерии при любом неосторожном движении. Его мутировавшее зрение и чуткие паучьи пальцы видели сквозь плоть: он нащупывал каждый осколок кости и сустава. С пугающей, нечеловеческой скоростью и божественной деликатностью он вправлял раздробленные руки. В палатке раздавались лишь влажные щелчки встающих на место костей. Когти Суорна двигались так мягко, словно девочка была сделана из тончайшего фарфора — он не причинил ей ни капли лишней боли, мгновенно фиксируя конечности тугими лубками.

Наконец, его дрожащие в напряжении руки коснулись ее лица. Глаза шпионки были страшно выжжены. Суорн как врач понимал: скальпель здесь бессилен, он не сможет вернуть ей зрение — мертвые ткани невозможно сшить. Но он мог остановить некроз и избавить ее от агонии. С абсолютной стерильностью, какую только можно было создать в грязных Пустошах, он очистил обожженные глазницы от пепла и запекшейся крови, нанес обезболивающий состав и наложил плотную, глухую повязку.

Когда Суорн наконец отстранился, его огромное тело тяжело вздымалось, блестя от пота, а из-под костяной маски телари на грудь капала черная сукровица. Но на лежанке перед ним больше не было бьющегося в предсмертных судорогах тупа. Девочка дышала — хрипло, булькающе, тяжело, но ровно. Его жар, его энергетика и ювелирная точность когтей обманули Смерть, заставив ее отступить в тень. Сломанная кукла собиралась заново.

...

Безумие пустило корни в тусклом полумраке палатки не из страха ее смерти, а из тишины, запаха и осязания. Стерильная отстранённость врача дала трещину в тот момент, когда его хирургические когти закончили сшивать разорванные ткани и начали осторожно, дюйм за дюймом, смывать с нее запекшуюся кровь и радиоактивную копоть.

Под коркой грязи и пепла обнаружилось абсолютное, парадоксальное совершенство. Тело миниатюрной юной шпионки, не изувеченное огнем, обладало завораживающе прекрасным, хищным мышечным тонусом и безупречной кожей. В своих тонких, геометрически выверенных пропорциях она казалась вырезанной из белой кости статуей забытого теларийского божества.

Суорну было девятнадцать. Вся его короткая жизнь состояла из боли, уродливых мутаций, гноящихся язв и добровольного отказа от своей человеческой природы. Он давно похоронил в себе мужчину под толщей цинизма и чешуйчатых корост. Но сейчас, в душной тишине, осторожно касаясь ее безупречной кожи своими жуткими паучьими лапами, он впервые почувствовал, как внутри него просыпается нечто совершенно иное. Жадный, сбивающий с толку, почти болезненный интерес к женщине.

Ее запах сводил его с ума. Мутировавшее обоняние гиганта отсекало вонь Пустошей и запах медикаментов, выхватывая из пространства лишь ее личный аромат — чистой, разгоряченной лихорадкой кожи и каких-то легких, нездешних, невозможных в этом аду цветов. Этот запах въедался в его рецепторы, заставляя Суорна задыхаться, а его огромное тело, работающее как живая печь, начинало пылать еще сильнее, наполняя брезентовый кокон палатки густым, осязаемым теплом.

Профессионализм смешался с маниакальной одержимостью. Склонившись над ней, гигант в костяной маске часами, не моргая, изучал каждую линию ее лица, каждый стежок на ее изящном замшевом костюме, балансировку скрытого в пепельных волосах стилета. *Кто она?* Этот вопрос стучал в его висках, как пульс. Откуда в канализации мира взялся этот смертоносный, прекрасный ангел? Кого она убивала этими изящными руками до того, как взрыв переломал их?

Его одержимость к ней граничила с психопатией. Он боялся лишний раз моргнуть, чтобы не упустить ни малейшего изменения в ее дыхании. Но ужас потерять ее постепенно уступал место другой, куда более мучительной и несбыточной мечте.

Он до одури, до судорог в шестипалых руках хотел с ней *поговорить*. Услышать ее голос. Узнать, что скрывается за этой идеальной, сломанной оболочкой.

Но жестокая ирония не оставляла им шансов. Гортань девочки была раздроблена и собрана заново, она могла лишь немо хрипеть, выдувая кровавые пузыри. А голосовые связки самого Суорна были настолько искалечены мутациями, что он мог издавать лишь пугающие, шелестящие хриплые звуки, лишь отдаленно похожие на человеческий голос. Они оба были заперты в камерах одиночного заключения внутри собственных изуродованных тел.

Суорн часами сидел на коленях у ее лежанки, превратившись в безмолвного, раскаленного стража. Он неотрывно смотрел на ее разбитые, но всё еще красивой формы губы, маниакально фантазируя о том, какими могли бы быть ее слова. Он придумывал ей прошлое, характер, интонации, всё глубже погружаясь в пучину сладкого, отравляющего безумия. Мир снаружи — с его мародерами, грязью и радиацией — перестал для него существовать. Вся вселенная Суорна теперь сузилась до размеров этой спящей девочки, запаха ее кожи и ритма ее судорожного дыхания.

...

Холодный, шелестящий рык заполнял палатку, лишая мародера последних остатков воли. Мутант даже не повышал голоса. Он говорил размеренно, с монотонностью лектора, препарирующего труп.

— Внешняя сонная артерия, — кончик черного хирургического когтя медленно, почти ласково чертил линию по грязной шее бандита, оставляя за собой тонкую красную полосу. — Разрыв. Кровопотеря. Потеряешь сознание за двенадцать секунд. Умрешь... за полторы минуты. Никто не поможет. И я не стану.

Мародер, еще минуту назад пинавший его вещи и кричавший, чтобы мутант «выбросил уже свою чёртову дохлую суку», теперь едва дышал. Его глаза расширились от первобытного ужаса. Он понял: перед ним не забитый, равнодушный урод. Перед ним смерть. Ледяная, расчетливая смерть, которая прямо сейчас вычисляет угол идеального разреза.

Пальцы Суорна дрогнули, готовясь сжаться.

— Папка?..

Тихий, испуганный детский голосок раздался от входа в палатку.

Суорн замер. Его идеальное, сфокусированное хирургическое зрение внезапно дало сбой. У входа стоял перемазанный в пыли мальчишка лет шести. Он прижимал к груди какую-то ржавую железку и широко распахнутыми, полными слез и ужаса глазами смотрел на гигантского монстра в костяной маске, который держал за горло его раненого отца.

В голове Суорна словно разорвалась граната. Звонящая, оглушительная тишина ударила по барабанным перепонкам.

Тьма, окутавшая его разум, треснула. И сквозь эту трещину на него взглянул семилетний мальчик из далекого прошлого. Мальчик, стоящий над лужей крови в хибаре бандита. Мальчик, чье детство закончилось в тот момент, когда взрослый монстр занес нож над самым дорогим.

Что он сейчас делает? Во что он превратился?

Суорн посмотрел на свои шестипалые руки с черными когтями. Он с ужасом осознал, что прямо сейчас, защищая свою одержимость, он стал тем самым мясником. Он стал своим отцом.

Удушающая волна стыда и отвращения к самому себе смыла ледяную ярость психопата. Когти, готовые вспороть артерию, рывком разжались. Суорн отдернул руки так резко, словно обжегся, и отступил на шаг.

Мародер кулём осел на землю, судорожно глотая воздух и хватаясь за шею.

Мутант тяжело дышал, глядя то на испуганного ребенка, то на лежащую без сознания. Его слепая одержимость, ради которой он готов был убить, — дала трещину. Он не имел права быть палачом. *Никогда.*

Огромная, сгорбленная фигура Суорна внезапно утратила свою хищную грацию. Он тяжело опустился на колени рядом с кашляющим мародером. Его голос изменился — в нем больше не было ледяной угрозы, лишь бесконечная, глухая усталость и строгий тон профессионала.

— Сиди, ровно, — хрипло велел Суорн, отворачиваясь от Ян и доставая из своей скрутки моток чистых бинтов и антисептик. — Рваная рана на плече. Я зашью.

Мародер вжался в стену, но Суорн уже не смотрел на него как на врага. Его руки — пугающие паучьи лапы, которые секунду назад несли смерть, — теперь с профессиональной, бережной точностью обрабатывали рану. Он снова стал тем, кто забирает боль. Мальчишка у входа продолжал оторопело глазеть на него... уже не с ужасом, а с робким, недоверчивым удивлением.

Когда ты заглядываешь в бездну, главное — вовремя моргнуть. Суорн моргнул.

Он затянул последний узел из суровых ниток на плече мародера, и в этот момент ледяной ад в его мозгу окончательно схлынул, оставив после себя лишь чудовищную, чисто человеческую усталость. Скорчившись у входа в брезентовую палатку, мутант в костяной маске тяжело осел на землю. Внутри, в душном полумраке, ровно и хрипло дышала шпионка — его переломанный ангел, его божество. Суорн посмотрел на свои шестипалые руки, испачканные чужой кровью. Его одержимость девочкой все еще текла по венам вместо крови, но теперь он знал. Знал, как близко подошел к тому, чтобы стать тем самым кошмаром из своего детства.

Ветер Пустошей скребся о брезент, принося с собой едкий запах токсичного смога и ржавого металла. Суорн поднял взгляд, вглядываясь в радиоактивную ночь. Лагерь мародеров казался крошечным, жалким островком грязного света посреди бесконечного океана тьмы. Островком, который ничто не защищало от всепожирающего мрака.

...

Этот удушающий, липкий страх пришел в лагерь мародеров не со стороны палатки Суорна. Он приполз из темноты Пустошей.

Поначалу чернь радовалась, что гигантский мутант заперся со своей искалеченной девчонкой и перестал мозолить им глаза. Но уже на третью ночь одинокого стояния в радиоактивном пепле лагерь начал понимать: там, за границей света их костров, бродит нечто несравнимо более жуткое, чем костоправ с паучьими лапами.

Первыми неладное почуяли матерые следопыты, чье выживание зависело от умения читать Пустоши как открытую книгу. Сначала исчезли звуки. Обычный ночной хор Окраин — щелканье жвал бронированных многоножек, утробный скулеж слепых чешуйчатых волков, шорох крыс в мусоре — всё это стихло, словно кто-то набросил на пустыню тяжелый звуконепроницаемый кокон.

Затем они нашли следы. Один из старых следопытов, уйдя за периметр справить нужду, долго сидел на корточках, вглядываясь в искореженный токсичный шлак. Следы местной хищной фауны выстроились в одну линию. Звери не охотились. Они *бежали*. Слепо, не разбирая дороги, в состоянии первобытной, парализующей паники они покидали свои охотничьи угодья, словно спасаясь от надвигающегося лесного пожара. В радиусе мили вокруг каравана образовалась звенящая мертвая зона.

А потом пришел *запах*. В едкий, привычный букет химического смога и ржавчины вдруг вплелась тяжелая, сладковатая нота застоялой воды, мокрой шерсти и разрытой могильной земли. Временами по лагерю прокатывалась едва уловимая вибрация — не звук, а инфразвуковое давление, от которого ныли зубы, а собаки мародеров начинали скулить и прятать носы под лапы.

У ночных костров голоса стали тише. Оружие больше не выпускали из рук даже во сне.

— Это не мутант, — хрипло прошептал старый мародер, чей шрам пересекал половину лица, бросая в огонь кусок гнилого пластика. Его глаза нервно бегали по границе непроглядного мрака. — Мутанты просто жрут. А эта тварь нас *насет*.

Среди бродяг Пустынь и Окраин всегда ходили мрачные легенды. И сейчас, когда тьма вокруг них стусилась, эти легенды начали оживать в воспаленном сознании людей. Кто-то вспомнил мифы о болотных берах — жутком симбиозе звериной природы и человеческой крови. В старых поверьях само Болото считалось безжалостной Праматерью, воплощением первородной тьмы и Смерти. А беры были ее внуками. И если бер утрачивал свою человеческую природу, он возвращался в лоно Смерти, становясь ее слепым орудием.

— *Смертный Бер...* — выдохнул кто-то из темноты, и это имя повисло над костром, как приговор. — Говорят, они приходят из Болот не за мясом. Они приходят за душами, когда целое племя отмечено печатью гибели. Он прогнал зверье, потому что мы принадлежим только ему.

Люди жались ближе к огню, вздрагивая от каждого порыва токсичного ветра.

Никто из них не знал правды. Никто не мог даже вообразить, что там, на скалистом гребне, закованный в костяную броню и изъеденный невыносимым голодом чудовищный зверь в кровь раздирает когтями камни, лишь бы удержать внутри себя остатки человеческого разума и не спуститься к ним, чтобы разорвать их на куски.

Но для людей это был тотальный кошмар, слившийся ночи и дни воедино.

Временами дозорным на периметре казалось, что тьма на холме уплотняется, обретая очертания исполинской, сгорбленной туши. Мерещился блеск желтых, нечеловеческих глаз. Кто-то в панике скидывал оружие, ослепляя темноту лучом фонаря... но там были лишь крутящиеся хлопья серого пепла.

То ли Смертный Бер действительно стоял там, занеся над лагерем свою невидимую косу, то ли сводящее с ума ожидание неминуемой смерти заставило их самих придумать своего палача. Лагерь медленно, но верно погружался в пучину коллективного безумия.

...

Голод больше не был чувством. Он стал паразитом. Клубком ржавой колючей проволоки, который пульсировал под толстыми костяными ребрами, требуя горячего мяса.

Туша зверя тяжело переступила по скале. Под броней перекатились неестественные, чудовищные мышцы. Тело-тюрьма. Клетка из плоти, в которой бился и задыхался человек.

Ветер принес снизу кислый запах. Страх. Немытые тела. Ржавчина. *Свежая кровь.*

Слюна маслянистыми каплями повисла на клыках. Мышцы рефлекторно сжались для прыжка. Вниз. К кострам. Разорвать эти хрупкие мешки, набить пустую утробу...

...Визг рвущегося металла.

Вспышка. Запах озона и горелого пластика. Лицо Олгара — осунувшееся, серое, прагматичное. Он отдает приказы. Тяжесть чужих жизней на его плечах... она ломает хребет...

...Прыгай. Скулит инстинкт. *Там еда.* Когти, толщиной с хирургические пилы, со скрежетом вонзаются в камень, кроша его в пыль. Он мотает уродливой башкой. Нет.

В голове — отрывистые вспышки. Плоть воспоминаний разрезана и склеена вслепую сумасшедшим механиком. Зияют черные провалы. Логика распадается.

Вспышка.

Джунгли. Зеленая листва обращается в пепел под удушающей, сводящей с ума тенью Пробужденного. Хаос, стремящийся поглотить реальность. *Люци.* Хрупкий, похожий на изломанного ребенка. Люци полыхает нечеловеческой самоотверженностью, сжигая себя дотла ради тех, кого любит...

Мясо внизу скулит, подсказывает зверь. *Мясо боится тьмы.*

Он давит в себе животный рык. Он помнит... он не собирался отступать. Живой таран в центр мясорубки. Чтобы дать им время. Шаг за грань. Удушье. Смерть.

А потом... темнота выплюнула его. Мироздание пережевало его человеческую суть и собрало заново в этой промерзшей радиационной пустоши в виде бронированного монстра.

Ветер снова меняет направление. Дым. Сладковатый запах человеческого пота.

Челюсти сжимаются до хруста. Зверю не нужен Олгар. Зверю плевать на самопожертвование Люци. Зверь хочет жрать. Одно движение. Разорванные глотки. Горячая плоть под клыками.

«Я... Илия».

Мысль бьется в агонии, цепляясь за ускользающий край рассудка. Он припадает брюхом к холодному песку и смотрит вниз, на дрожащие оранжевые точки костров.

Мародеры внизу боятся его следов во тьме. Они ставят на него ловушки. Для них он — ночной кошмар. Но он не может уйти. Наблюдение за их жалкой, грязной жизнью, за их перебранками у костра — единственное лекарство от беспросветной тьмы, поглощающей его разум. Эти *люди* рядом... их запахи и голоса... его единственный якорь.

Зверь тихо, мучительно скулит во мраке. Если он отвернется от их костров, если уйдет во тьму один — он умрет. Олгар, Люци, все, кого он отрывисто помнит — сгорят навсегда. Он впирается когтями в скалу, принимая свое проклятие. Он будет незримым стражем. До тех пор, пока запах чужого дыма удерживает его на краю бездны.

Глава 3. Ночь и цветок

Тьма не была пустой. Она была раскаленной, пульсирующей и состояла из одной сплошной боли.

К шпионке, обученной охотиться на людей с десяти лет, начало возвращаться сознание. Ее первым инстинктом было осмотреться. Мозг в панике послал привычную команду распахнуть веки, и этот рефлекс едва не свел ее с ума. Век больше не было. Выжженные взрывом, пустые глазницы под плотной повязкой отозвались на эту фантомную попытку таким ослепительным взрывом агонии, что Ян попыталась кричать.

Но крика не вышло. Раздробленная гортань пропустила лишь жалкий, булькающий хрип. Ян начала задыхаться, захлебываясь собственной кровью. Каждый судорожный вдох давался с таким трудом, словно в горло засыпали битое стекло. Инстинкт самосохранения взвыл, требуя сорвать повязки, прочистить горло, защититься — но тело предало ее. Изломанные руки, намертво зафиксированные жесткими лубками, вспыхнули такой первобытной, парализующей болью при малейшей попытке дернуться, что Ян замерла.

Она была беспомощным куском мяса во тьме. И она поняла, что в этой тьме она не одна.

Над ней нависла огромная, подавляющая масса. Девочка не могла ее видеть, но чувствовала, как нечто гигантское перекрыло потоки воздуха. От этого существа исходил густой, удушающий жар, словно рядом открыли дверцу раскаленной печи. Воздух вокруг дрожал. Сначала в нос ударил тяжелый, тошнотворный запах Пустошей — токсичный смог, ржавчина и старый пот. Но этот запах перебивало нечто иное, до рези в носу резкое: удушливый концентрат крепчайшего медицинского спирта, горьких трав и йода.

Существо наклонилось ближе. Ян услышала его дыхание — тяжелый, глухой, механический хрип, вырывающийся словно из-под какой-то маски.

Паника сковала ее легкие. Сейчас ее начнут жрать. Прямо сейчас эти челюсти или когти вцепятся в ее незащитное лицо.

И тогда оно к ней прикоснулось.

Ян внутренне сжалась, ожидая влажного чавканья или грубого удара мародера, но прикосновение оказалось пугающе иным. Это не была мягкая человеческая ладонь. Кожа существа была мертвенно жесткой, плотной и до трещин иссохшей — так иссушает живую ткань только постоянный, фанатичный контакт с чистым спиртом. А на концах этих странных, неестественно длинных пальцев Ян отчетливо ощутила что-то твердое и острое, как бритва. Инструменты? Или когти?

Тварь действовала с леденящей кровью отстраненностью. Ни одного лишнего касания. Никакого грубого ощупывания. Существо панически избегало касаться ее чем-либо, кроме этих высушенных спиртом пальцев и стерильных острых концов, словно боялось занести в ее открытые раны гниль пустошей.

Острый коготь скользнул по ее шее, и Ян мысленно приготовилась к смерти, ожидая, что сейчас ей вскроют артерию.

Но коготь лишь ювелирно подцепил край пропитанного кровью бинта. Сухие пальцы осторожно, дюйм за дюймом, начали очищать рану на гортани. Острые края двигались среди ее разорванных хрящей и сосудов с парадоксальной, невозможной для дикого монстра деликатностью. Хриплое дыхание гиганта над ней внезапно замерло — тварь буквально затаила дыхание, выполняя самое сложное движение, до одури боясь причинить девочке лишнюю боль.

Сквозь кровавый туман агонии блестящий, аналитический ум шпионки зацепился за эту нестыковку.

Оно не рвет ее на части. Оно не снимает с нее уцелевшую одежду. Этот обжигающий жар, исходящий от огромной туши, не дает ей окоченеть от потери крови. А эти иссохшие в спирте лапы с пугающими когтями прямо сейчас останавливают кровотечение.

Ян лежала во тьме, судорожно сглатывая кровавую слюну, и ее измученный разум отказывался верить в происходящее. Чудовищная, дышащая жаром тварь из Пустошей... *лечила ее?*

...

Страх в замкнутом пространстве подобен газу без цвета и запаха. Он просачивается в легкие, отравляет кровь и медленно разъедает рассудок.

Мародеры, привыкшие резать глотки за банку чистой воды, перед лицом невидимого, подавляющего ужаса Пустошей превратились в параноидальных детей. Они чувствовали, что там, за границей света их костров, бродит гигантский зверь. Но именно то, что тот не нападал, сводило их с ума.

Лагерь погрузился в лихорадочное безумие. Из ржавой арматуры, токсичного лома и колючей проволоки они начали сооружать жалкие, нелепые ловушки на подступах к палаткам. Люди не спали сутками, вглядываясь в крутящийся радиоактивный пепел. В каждом шорохе многоножки им чудился подкрадывающийся шаг Смертного Бера. Напряжение сгустилось до такой степени, что воздух, казалось, можно было резать ножом.

Ике, одному из дозорных, было всего тридцать, но за эти несколько ночей он поседел. Он сидел у кромки темноты, сжимая в трясущихся руках дробовик. Его воспаленный мозг, лишенный сна, начал играть с ним в жуткие игры. Ему показалось, что он слышит дыхание. Тяжелое, влажное дыхание огромной пасти прямо у себя над ухом. В темноте вспыхнули желтые фантомные глаза. Рассудок Ике, натянутый как гнилая струна, с сухим треском лопнул.

Грохот выстрела разорвал звенящую тишину лагеря.

Но выстрел был направлен не во тьму. Не в силах больше выносить эту сводящую с ума, липкую паранойю и ожидание неминуемой смерти, мародер сунул ствол дробовика себе под подбородок и нажал на курок, предпочтя такой конец пасти чудовища.

В лагере началась паника. Кто-то кричал, собаки рвались с привязи.

Глухой звук выстрела просочился даже сквозь брезент отдаленной палатки, вырвав Суорна из его хирургического транса. Гигант тяжело поднялся, поправил клювообразную костяную маску, скрывающую изуродованное лицо, и шагнул наружу.

Он возвышался над суетящейся чернью, источая густой, удушающий жар. Его взгляд сфокусировался на месте трагедии. Искореженное тело Ике лежало у костра. А в двух шагах от него, забрызганная теплой кровью, сидела маленькая девочка — дочь мародера. Она не плакала. Она находилась в той стадии глубокого, парализующего шока, когда детский разум просто отказывается воспринимать реальность.

Внутри Суорна что-то сжалось с такой силой, что ему стало физически больно. Проклятая теларийская кровь, унаследованная им от матери, вновь ударила по нервам невероятным, всепоглощающим состраданием. Он был отверженным монстром, «отрыжкой Технарей», но физически не мог вынести страданий тех, кто слабее.

Мутант медленно, тяжело ступая, подошел к осиротевшей девочке. Толпа мародеров в ужасе шарахнулась от него, оставив их один на один. Огромная тень накрыла съезжившуюся фигурку.

Его шестипалые лапы с острыми, как скальпели, когтями крупно задрожали. Ему до одури, до крика хотелось опуститься на колени. Ему хотелось распахнуть свой огромный плащ-балахон, подхватить этого замерзшего, перепуганного ребенка, прижать к своей груди и согреть тем аномальным жаром, что излучало его мутировавшее тело. Ему хотелось спрятать ее от этого жестокого мира, как он прятал свое хрупкое, отвоеванное у смерти, переломанное чудо.

Но он замер. Он посмотрел на свои страшные паучьи пальцы. Он вспомнил, что его лицо скрыто мертвой костяной маской, а спина покрыта шипами. *«Я напугаю ее до смерти, — с горечью понял Суорн. — Я чудовище».*

Он так и не решился к ней прикоснуться. Вместо этого он лишь грузно опустился на одно колено, закрывая девочку собой от пронизывающего радиоактивного ветра и мертвых взглядов толпы. Его тело работало как живая печь, и он просто сидел рядом, молча отдавая сироте свое тепло.

В эту ночь Суорн понял одну важную вещь. Он не просто врач для одной искалеченной девочки в палатке. Глядя на этого испуганного ребенка, в монстре проснулась глухая, отчаянная решимость: он возьмет под свою защиту и этих детей. Он станет их щитом в этом аду. И если для этого ему придется стать еще более страшным чудовищем — он им станет.

...

Тьма обостряла восприятие, превращая мир в набор звуков, запахов и температур. Для парализованной, немой и слепой Ян эта душная палатка стала лабораторией, а пугающий гигант — главным объектом исследований.

Первые дни слились в бесконечный, пульсирующий бред лихорадки. Но когда кризис миновал, и ее тело перестало балансировать на грани смерти, холодный и цепкий разум взял верх. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к каждому шороху, и методично собирала мозаику.

Она выяснила, что он огромен — об этом говорил тяжелый, прогибающий землю шаг и то, как его массивное тело перекрывало потоки воздуха. Она знала, что он скрывает лицо: каждый его вдох сопровождался глухим, механическим сипением, словно он дышал через какую-то маску или фильтр. И она поняла, что он абсолютно, тотально одинок. Никто из обитателей лагеря не заходил внутрь. Люди боялись его.

Но Ян его больше не боялась.

Сквозь жуткую, искореженную мутациями оболочку девочка-эмпат почувствовала то, что скрывалось внутри. Когда его шестипалые лапы с хирургическими когтями меняли ей повязки, она улавливала не рычание хищника, а затаенное, почти болезненное дыхание человека, который до одури боится причинить ей боль. Его жар, исходящий от тела, словно от раскаленной печи, больше не пугал — он стал для нее самым безопасным, уютным коконом в этом ледяном радиоактивном аду.

Вместо первобытного ужаса в душе Ян начало зарождаться новое, глубокое чувство — искренняя, пульсирующая благодарность и жгучее любопытство. *Кто ты? Почему ты, отверженный всеми монстр, с такой одержимостью спасаешь ту, которую мир уже списал со счетов?*

Но самым поразительным открытием для Ян стала перемена в его поведении, произошедшая на пятый или шестой день, когда смертельная угроза миновала.

Сперва изменился запах. Тяжелая вонь Пустошей, дорожной грязи и старого пота, которая изначально исходила от его огромного плаща, вдруг начала исчезать.

Лежа в темноте, Ян слышала странные звуки. Плеск ледяной воды в жестяном тазу. Сухой, жесткий скрежет — словно кто-то остервенело, до крови тер кожу грубой щеткой или песком. Запах едкого медицинского спирта и йода усилился, но теперь к нему примешался резкий аромат дешевого щелочного мыла.

Оно *мылось*.

Этот монстр, чье собственное тело было покрыто гниющими язвами и чешуей, вдруг начал маниакально заботиться о чистоте. Ян чувствовала, как дрожит земля от его тяжелых шагов, когда он выходил, чтобы выстирать свои лохмотья, и возвращался, пахнущий сыростью и холодом.

Когда он в очередной раз склонился над ней, чтобы проверить лубки на сломанных руках, Ян уловила этот трогательный, щемящий контраст. Его дыхание было тяжелым от усталости, когтистые пальцы по-прежнему пугали своей нечеловеческой формой, но от его жестких, иссохших в спирте рук и вымытых волос пахло пронзительной, почти стерильной чистотой. Он изо всех сил пытался быть чистым. Пытался смыть с себя скверну Пустошей, чтобы иметь право прикасаться к ней.

Слепая девочка не могла заплакать, но внутри нее разлилось удивительное тепло. В этот момент безжалостная шпионка поняла, что этот пугающий гигант перед ней бесконечно уязвим. Он защищал ее от Смерти, но сам нуждался в защите не меньше.

Разбитые, запекшиеся губы девочки дрогнули в улыбке. Монстр замер, сочтя, что причинил ей боль, и его огромные руки испуганно отдернулись. Но Ян лишь слабо, едва заметно повернула голову в его сторону, словно говоря: *«Я знаю, что ты здесь. Я чувствую тебя. И я благодарна»...*

...

Муравейник пульсировал. Невидимые пси-сети, сплетенные из тысяч подавленных волей, тянулись сквозь радиоактивный мрак Пустошей, словно щупальца или призрачные вены. Они накрывали пространство незримым, подавляющим куполом, сканируя каждый дюйм мертвой земли.

Пси-сеть скользнула над лагерем. Разум Муравейника безразлично пронесся по фигурам дозорных, сжимающих дробовики у костров. Он зарегистрировал их животный, липкий ужас перед темнотой как несущественный «белый шум». Он нащупал на отдалении, на скалистом гребне колоссальную, клокочущую яростью и болью ментальную массу, но счел ее слишком чужеродной, дикой и опасной для мгновенной ассимиляции. Уничтожить или обойти.

Но затем невидимые щупальца Сети коснулись брезентовой палатки, излучающей аномальный жар. И коллективный разум Муравейника замер.

Там, внутри, фонили две невероятные, невозможные для грязных Пустошей аномалии.

Первая — хрупкая, физически изломанная оболочка, внутри которой скрывался парадоксально мощный и сложный аналитический разум эмпата. Это было не просто больное дитя, это был редчайший бриллиант, идеальный материал для вербовки. Вторая — подавляющая, гигантская масса мутанта, чья энергетика не была хаотичной мутацией Болота, а резонировала на забытых, древних частотах скрытого пси. *Реликт.*

Псионические существа, подключенные к общей сети, синхронно открыли глаза. Эмоций не было, был лишь холодный, математический расчет. *Идеальные образцы обнаружены. Ресурс подлежит изъятию.*

Муравейник пульсировал. Невидимые пси-сети, сплетенные из тысяч подавленных волей, тянулись сквозь радиоактивный мрак Пустошей, словно щупальца или призрачные вены. Они накрывали пространство незримым, подавляющим куполом, сканируя каждый дюйм мертвой земли.

Пси-сеть скользнула над лагерем. Разум Муравейника безразлично пронесся по фигурам дозорных, сжимающих дробовики у костров. Он зарегистрировал их животный, липкий ужас перед темнотой как несущественный «белый шум». Он нащупал на отдалении, на скалистом гребне колоссальную, клокочущую яростью и болью ментальную массу, но счел ее слишком чужеродной, дикой и опасной для мгновенной ассимиляции. Уничтожить или обойти.

Но затем невидимые щупальца Сети коснулись брезентовой палатки, излучающей аномальный жар. И коллективный разум Муравейника замер.

Там, внутри, фонили две невероятные, невозможные для грязных Пустошей аномалии.

Первая — хрупкая, физически изломанная оболочка, внутри которой скрывался спящий, но парадоксально мощный и сложный аналитический разум эмпата. Это было не просто дитя, это был редчайший бриллиант, идеальный материал для вербовки. Вторая — подавляющая, гигантская масса мутанта, чья энергетика не была хаотичной мутацией Болота, а резонировала на забытых, древних частотах скрытого пси. Тот, чьи трансформации с каждой секундой по доле микрона перестраивали тело. *Реликт.*

Псионические существа, подключенные к общей сети, синхронно открыли глаза. Эмоций не было, был лишь холодный, математический расчет. *Идеальные образцы обнаружены. Ресурс подлежит изъятию.*

...

Тьма в палатке больше не была пустотой — она обрела текстуру, температуру и даже собственный ритм. Для Ян, лишенной зрения и скованной жесткими лубками, время измерялось не часами, а тяжелым, сбивающимся дыханием существа, делившего с ней этот замкнутый мир.

Ян лежала неподвижно, прислушиваясь к звукам, и думала о своем теле. За всю ее недолгую, но жестокую жизнь наследницы городских трущоб, профессиональной лазутчицы — тело никогда ей по-настоящему не принадлежало. Оно было отмычкой. Наживкой. Оружием. Разменной монетой. Она давно научилась отстраненно управлять этой красивой, безупречной оболочкой, не испытывая к ней привязанности — как механик управляет машиной. Но теперь машина была безнадежно разбита. Она превратилась в искалеченный, слепой, бесполезный кусок плоти с перебитой гортанью, который нельзя было ни продать, ни использовать.

По логике Пустошей, сломанный инструмент следовало выбросить. Но мутант, деливший с ней брезентовый склеп, почему-то так не считал.

Сквозь гулкий шум ветра снаружи до Ян донесся тихий звон жестяной миски. Воздух дрогнул, и на нее надвинулась знакомая, почти удушающая волна аномального жара, словно рядом открыли заслонку печи. Существо приблизилось. От его тяжелого плаща больше не несло грязью мародеров — теперь этот запах был вытравлен едким медицинским спиртом, горькими травами и дешевым мылом.

Глухое, сипящее дыхание из-под его маски внезапно замерло. Он затаил вдох. К ее разбитым губам с божественной, немыслимой для таких габаритов осторожностью прикоснулся край ложки. Горло обожгло горячим, прозрачным бульоном — чистым, щедро сдобренным целебными травами, чтобы перебить химическую вонь пепла. Ян глотала, а ее обостренное осязание ловило каждое мимолетное движение монстра.

Его руки. Самый парадоксальный, ломающий рассудок контраст. Она чувствовала жесткую, иссушенную до состояния пергамента кожу и неестественно длинные, шестипалые кисти, увенчанные твердыми когтями. Но эти когти не причиняли боли. Они двигались вокруг ее лица с безупречной деликатностью, словно она была вылеплена из тончайшего стекла, а сами огромные лапы крупно вздрагивали от страха случайно задеть ее раны.

Накормив ее, монстр грузно поднялся, и пол едва заметно прогнулся под его весом. Он ушел в самый дальний, темный угол палатки — так далеко, как только мог, словно забыв, что Ян все равно слепа. И оттуда, из мрака, вскоре донесся глухой, влажный хруст. Тварь своими острыми зубами перемалывала жесткие панцири пустынных жужелиц. Ян лежала в теплой темноте, чувствуя вкус чистого бульона на языке, и у ее холодного разума не оставалось вариантов: этот пугающий гигант отдавал ей всё самое чистое и ценное, а сам питался подножным мусором, как дикий зверь.

Но по-настоящему Ян осознала происходящее в моменты ее величайшей беспомощности. Когда приходило время физиологических нужд, гигант подходил к ней, чтобы подложить судно. И в эти минуты Ян безошибочно чувствовала, как волна аномального жара от его тела становится еще плотнее — монстр буквально сгорал от человеческого смущения. Чтобы не унижать ее, он тактично отворачивал голову в маске и начинал тихо, косноязычно бормотать себе под нос какие-то сложные термины, лишь бы заполнить неловкую тишину. В этом было столько щемящей, нелепой человечности, что Ян вдруг захотелось плакать.

Никто и никогда в ее жизни не относился к ней так. Не требовал ничего взамен. Не пытался использовать.

Именно здесь, в грязной палатке посреди радиоактивного ада, лишенная зрения и способности говорить, Ян вдруг испытала пронзительное, пугающее чувство. Монстр боготворил ее сломанное тело. Он благоговел перед ним. И сквозь это невероятное, бережное отношение

гиганта, Ян впервые в жизни почувствовала: это тело — *ее собственное*. Оно ценно само по себе, просто потому, что в нем бьется ее сердце.

Она не видела его лица, но ей безумно хотелось поднять свои загипсованные руки и коснуться его маски. Поблагодарить чудовище, чья трепетная забота медленно, но верно сплетала вокруг нее теплый, уютный, неразрывный кокон без шансов на прежнюю жизнь.

...

Ночь над радиоактивными пустошами была по-зимнему тихой, но эта тишина не несла в себе покоя. Она была деловитой, осязаемой и до странности живой.

Старый дозорный у восточного периметра лагеря мародеров вдруг опустил дробовик. Обычно в это время суток у него невыносимо ныли промерзшие суставы, а в груди ворочался липкий, привычный страх перед темнотой. Но сейчас страх исчез. На его место пришло кристально чистое, почти экстатическое спокойствие. Старик глубоко вдохнул едкий воздух и почувствовал внезапное, непреодолимое желание выключить генератор. Ему вдруг показалось, что гул мотора слишком груб, что он мешает слушать музыку ветра. Это было прекрасное, поэтичное наитие. Его собственная, искренняя мысль. Он улыбнулся мягкой, умиротворенной улыбкой и повернул рубильник. Свет погас.

В трех милях от лагеря, среди ржавых остовов машин, одинокий бродяга резко сменил направление. Он шел на юг, но внезапно его озарило вдохновение. Он физически ощутил, как внутри загорается теплая, уютная лампочка великой цели. Ему нужно на восток. К оранжевым точкам костров. Он зашагал быстрее, чувствуя небывалый душевный подъем и абсолютную свободу своего выбора. Он не знал тех, кто шел рядом с ним во тьме, не видел их лиц, но чувствовал с ними абсолютное, совершенное единение.

Ближе к центру лагеря женщина, чистившая котелок, вдруг решила, что ей душно. Она оставила посуду и вышла из укрытия. Ей просто захотелось подышать, сделать ровно тридцать два шага в сторону брезентовой палатки на отшибе и остановиться там, завязывая шнурок.

Они не переговаривались. Никто не подавал тайных сигналов, не отдавал команд по рации и не чертил схем на песке. В их головах не звучал чужой приказ. Каждый из десятков людей, стягивающихся к лагерю, был абсолютно уверен, что живет своей собственной жизнью, повинуюсь лишь своим внезапным желаниям и порывам.

Их движения казались случайными: кто-то споткнулся и выронил кусок трубы, кто-то перерезал проволоку, потому что она «мешала пройти», кто-то с упоением внезапно запел, заглушив звук падающего в пыль тела. Но все эти разрозненные, хаотичные действия складывались в единый, математически безупречный танец, не оставляющий жертве ни единого шанса.

Невидимая петля затягивалась. Десятки улыбающихся, одухотворенных людей, чьи личности уже давно были мертвы, шли во тьме к палатке ослепшей девочки и гиганта-врача. Они вышли на смертельную охоту, преисполненные светом, вдохновением и слепой уверенностью в том, что просто вышли подышать.

...

Старый Ржавый Гвоздь — так его прозвали за мерзкий характер и тридцать лет торчащий из щеки гвоздь — ненавидел ночные дежурства. Он сидел у кромки света от затухающего костра, сжимая в потных руках дробовик, и до рези в глазах вглядывался в радиоактивный туман. Впереди, за линией кривых ловушек из колючей проволоки и арматуры, была только тьма. Там бродил Смертный Бер. Гвоздь знал это. Все знали.

Но смерть пришла не оттуда, откуда ее ждали. И она не рычала.

Справа от Гвоздя раздался тихий, влажный хруст. Он резко обернулся, вскидывая ствол, и замер, парализованный когнитивным диссонансом. Над телом второго дозорного, чье горло было ювелирно перерезано от уха до уха, стоял человек. Обычный, худой парень в пыльном плаще. Он не был похож на лесного монстра. Но то, как он двигался, было в тысячу раз страшнее. Парень не крался и не прятался. Он просто шагнул вперед, прямо на растяжку с ржавыми банками. Но вместо того, чтобы зацепить ее, он перерезал нить с математической точностью, не издав ни единого звука. А затем он посмотрел на Гвоздя и... искренне, тепло улыбнулся.

Гвоздь открыл рот, чтобы заорать, но из темноты вынырнули еще десятки фигур. Они шли сквозь их хваленые ловушки, как вода сквозь пальцы. Женщины, старики, подростки. Лица спокойные, одухотворенные, а в руках — тускло блестящие лезвия и удавки. Они убивали мародеров в их спальных мешках прямо на ходу, даже не сбиваясь с шага. Ни боевого клича. Ни ругани. Абсолютная, стерильная тишина, прерываемая лишь предсмертными хрипами.

— Подъем! Психи! — наконец истошно завопил Гвоздь и нажал на курок.

Грохот дробовика разорвал ночь. Лагерь мгновенно превратился в окровавленный муравейник. Залились лаем собаки, закричали спросонья дети. Гвоздь перезарядил ружье, дрожащими руками загоняя патрон, когда увидел, как улыбающаяся женщина с простреленным плечом молча встает с пепла и продолжает идти на него, не обращая внимания на хлещущую кровь.

Обычные мародеры, привыкшие к грязным и шумным кабацким дракам, ломались перед этой нечеловеческой, механической неотвратимостью. Оцепенение сковало лагерь. Гвоздь попятился, споткнулся о чей-то труп и упал на спину. Над ним склонились трое безмолвных агентов Псиоников с занесенными ножами. Смерть была неизбежна.

И тут земля под их ногами содрогнулась.

Это был не звук, это была физическая волна, от которой заложило уши. Первобытный, kloкочущий рев разорвал перепонки, перекрывая крики людей и выстрелы.

Слепая паника мародеров достигла абсолютного пика — их самый страшный ночной кошмар обрел плоть. Из темноты, снося к чертям собачьим остатки баррикад и ловушек, в освещенный круг вырвалась гигантская, мускулистая туша. *Смертный Бер*. Огромный зверь был похож на воплощение первородного Хаоса.

«Нам конец. Сожрет всех», — мелькнула в голове Гвоздя последняя истеричная мысль. Он зажмурился, ожидая, что сейчас огромные челюсти оторвут ему голову.

Но огромная тварь не стала жрать мародеров. С невероятной, обманчивой для такой туши грацией, зверь бросился вперед, бегая зигзагами так, что в него было почти невозможно прицелиться. Он с разгону врезался прямо в идеальный строй улыбающихся убийц, ломая их холодную геометрию в кровавые ошметки.

Оглушительный хруст ломаемых позвоночников агентов заполнил лагерь. В зверя начали палить со всех сторон. Пули рвали его шкуру, но чудовище к тому времени уже впало в боевой раж от запаха свежей крови и боли — ему было плевать, кто там вокруг, она превратилась в живую машину уничтожения. Бер ревел, принимая на себя пули, предназначавшиеся людям,

и рвал психов Муравейника тяжелыми лапами, целенаправленно расчищая кровавый коридор в сторону одинокой брезентовой палатки на отшибе.

Гвоздь лежал в грязи, забрызганный кровью агента, которого только что перекусил пополам Смертный бер. Его рассудок отказывался понимать происходящее. Бездушные, тихие люди убивали их. А самый страшный монстр Пустошей прямо сейчас ловил грудью свинец... *защищая их?*

...

Тьма слепой Ян никогда не была тьмой. Она всегда имела запах, температуру и звук. Но в ту ночь тьма внезапно стала *мертвой*.

Ян лежала на жесткой лежанке, смягченной горой тряпья, не в силах ни пошевелиться, ни закричать из-за срастающейся гортани. Обычно по ночам снаружи доносился фоновый шум Пустошей: пьяная ругань мародеров, лай цепных псов, треск костров. Но сейчас лагерь словно накрыли гигантским, непроницаемым ватным одеялом. Звуки исчезли.

А затем ее обостренный слух уловил то, от чего по коже побежали ледяные мурашки. Мягкий, почти шелковый звук: *шшшш-ш-ш*. Так бритвенно-острое лезвие распарывает брезент палатки снизу вверх.

В ту же секунду пространство рядом с ней взорвалось движением.

Ее спаситель не стал рычать. Он не бросился в атаку. Гигантский мутант сделал единственное, что диктовал ему инстинкт: он рухнул на колени, распахнул свой тяжелый, пахнущий спиртом и полынью плащ, и накрыл слепую девочку всем своим огромным, неповоротливым телом, пряча ее под собой, словно в пещере.

На Ян мгновенно обрушилась волна аномального, почти невыносимого жара — от запредельного стресса тело гиганта превратилось в раскаленную печь. Его длинные шестипалые руки с хирургической деликатностью обхватили ее изломанное тело, прижимая к себе, но не причиняя боли. Ян оказалась заживо погребена под горой мышц, чешуйчатых корост и выпирающих костей его ребер.

Она не видела тех, кто проник в палатку. Но ее чутье — дикая, инстинктивная сверхчувствительность всех напрягшихся рецепторов — метнулась во тьму, пытаясь нащупать угрозу. Ян ожидала почувствовать горячую, липкую ярость бандитов или голод мутантов. Но то, что она «увидела» своим чутьем, заставило ее внутренне закричать от первобытного страха.

Там стояла пустота. Абсолютное, математически выверенное, улыбающееся *ничто*. Люди, которые вошли к ним, не источали ни злобы, ни страха, ни азарта — их разумы и эмоции были стерильны, как операционная.

От напряжения и попытки осознать этот нечеловеческий холод из носа Ян брызнула горячая кровь. Она судорожно дернулась в своих гипсах, прижимаясь к раскаленной груди Суорна, отчаянно пытаясь предупредить его, передать ему свой животный страх: *Они все мертвы! Они пустые!*

И тут Ян услышала первый удар.

Глухой, влажный стук лезвия о плоть и кость. Суорн, нависающий над ней каменным сводом, резко вздрогнул. Но его руки, сжимающие Ян, даже не шелохнулись. Он не впал в ярость. Он не пытался разорвать нападавших когтями. Он просто подставил свою широкую, изуродованную экспериментами спину под ножи безмолвных убийц.

Еще удар. И еще. Ян слышала, как клинки с омерзительным скрежетом скользят по его костистым наростам и вязнут в плотной мышечной броне. Из-под клювообразной костяной маски над ее ухом вырвался сухой, свистящий хрип боли. Что-то густое, горячее и липкое начало капать на лицо Ян.

Она задыхалась от его жара и запаха его раненой плоти. Она хотела рыдать, но это его кровь, вместо слез, текла по ее щекам. Этот огромный, неуклюжий глупый монстр просто позволял резать себя на куски, лишь бы ни одно лезвие не коснулось его драгоценности. *Дурак. Сколько ты ещё сможешь терпеть?*

Сквозь стиснутые черные иглы зубов мутанта начал нарастать звук. Это был не крик ярости. Это был глубокий, вибрирующий в самой груди инфразвуковой рокот — низкий, почти неслышимый, от которого затряслась земля. Он лишь рычал, словно животное, закрывающее свое дитя от смерти.

Удары ножей на секунду замерли, остановленные этой звуковой волной. А в следующее мгновение пол палатки подпрыгнул.

Сквозь стерильную тишину Псиоников и низкий рокот мутанта снаружи прорвался оглушающий, разрывающий барабанные перепонки животный рев. Запахло паленой шерстью и озоном. Нечто огромное, стремительно приближаясь к их укрытию, ломало этот тихий, неотвратимый кошмар первобытным хаосом...

...

Зверь не знал пощады.

Огромная, покрытая толстой бронированной шкурой туша пробивала себе путь сквозь лагерь, ломая идеальную геометрию нападавших. Чудовище рвало когтями и давило своей колоссальной массой, захлебываясь в слепой, первобытной ярости.

Для звериного чутья этот бой был вопиюще странным. Зверь привык, что жертвы пахнут страхом — горячим, кислым, липким удушьем адреналина. Но эти люди не пахли страхом. Они вообще ничем не пахли. От них веяло пустой, стерильной иссушенностью, и они умирали абсолютно молча, с безмятежными улыбками на лицах. Это противоестественное, мертвое спокойствие лишь сильнее распаляло боевое бешенство бронированного монстра. Он собирал на свою толстую шкуру пули мародеров, принимал удары ножей психов, превратившись в живую машину уничтожения, крушащую всё на своем пути.

Но внезапно, сквозь густую вонь распоротых внутренностей, паленой шерсти и токсичного пепла Пустошей, чудовищный нюх уловил нечто иное.

Зверь с глухим рыком повел окровавленной мордой, раздувая ноздри.

Прямо по курсу, среди всего этого сюрреалистичного хаоса, возвышалась одинокая массивная палатка. Звериные глаза выхватили во тьме необычные детали: глубокие, вырытые мощными когтями борозды в промерзшей земле и вбитые колья, на которых ветер трепал чистые бинты — нелепые, призрачные флаги милосердия посреди радиоактивного ада. Но главное — это был запах.

От палатки, от тлеющего рядом костровища тянуло густым, терпким ароматом кипящего бульона, щедро одобренного растертыми кореньями и горькими целебными травами.

Этот запах ударил монстра в голову сильнее, чем пуля.

Кровавая пелена бешенства в желтых глазах внезапно дрогнула и пошла трещинами. Оглушительный животный рев в груди захлебнулся, сменившись щемящей, невыносимой тоской. Запах горьких трав, кипящих кореньев и чистой ткани вырвал из самых темных глубин звериного разума осколки другой, давно потерянной жизни. Это был запах знахарей. Запах его собственного, родного племени, по которому он так отчаянно скучал, и к которому больше не мог вернуться.

В это самое мгновение безмозглый, слепой от ярости бронированный зверь исчез. Под жесткой шкурой, испещренной шрамами и пулями, снова забилося израненное, бесконечно одинокое, но полное сострадания человеческое сердце.

Он — Илия.

Сквозь призму вернувшегося человеческого разума Илия посмотрел на палатку совершенно иначе. Изрытая земля, кипящие корни, бережно выстиранные бинты... Там, внутри, прятался кто-то иной, чем группа людей. Чудак или изгой, который отчаянно, вопреки законам мертвого мира, пытался спасти чужую жизнь. И прямо сейчас безмолвные, улыбающиеся психи Муравейника пытались до него добраться.

В груди Илии поднялась новая волна боли и ярости — теперь уже не животной, а осознанной, человеческой. С утробным рыком он бросился вперед, всей своей колоссальной массой сминая оставшихся на пути. Он шел напролом, принимая удары на себя, чтобы расчистить коридор к палатке и выиграть время тем, кто находился внутри.

...

Тьма для слепой Ян давно стала осязаемой. Но сейчас эта тьма обрушилась на нее многотонной, пышущей невыносимым жаром глыбой.

Когда Суорн рухнул на колени, накрыв ее своим огромным телом, Ян оказалась заживо погребена под сводом из мутировавших мышц и выпирающих костей. Он превратился в монолитный, кровоточащий камень, который крупно содрогался над ней от каждого глухого, влажного удара чужих лезвий. Густые, обжигающе горячие капли его крови уже падали на ее лицо во мраке. И сквозь этот ужас, сквозь щемящую благодарность и страх за его жизнь, в холодном рассудке бывшей шпионки вдруг вспыхнула другая, леденящая мысль.

Если он сейчас умрет — ей конец.

Если остановится это оглушительно грохочущее над ее ухом огромное сердце, эта туша просто рухнет и раздавит ее. Закованная в жесткие гипсовые лубки, с перебитой гортанью, она ни за что не сможет сдвинуть с себя центнер мертвой мутировавшей плоти. Она задохнется здесь, захлебнувшись его кровью и собственным бессилием. Аномальный жар Суорна уже сейчас стремительно выжигал последние остатки кислорода в их брезентовом склепе, превращая дыхание в пытку.

Ян задыхалась. В своем отчаянном, темном безмолвии она уже ненавидела его. *«Не смей сдыхать, слышишь?! Только попробуй, кретин, ты же меня похоронишь! Разожмись!»* Она билась в своей клетке, сходя с ума от надвигающегося удушья, но гигант над ней лишь глухо хрипел, принимая новые удары и становясь всё тяжелее.

И в этот самый момент земля под ними содрогнулась.

Сквозь стерильную, мертвую тишину убийц прорвался оглушительный, разрывающий барабанные перепонки животный рев. Удушливый вакуум палатки прорезал резкий запах озона, паленой шерсти и дикой ярости.

Мутант над ней мгновенно окаменел, сжавшись в тугую пружину. Ян физически ощутила, как каждая мышца в его изрезанном теле напряглась — он изготавился к смерти, решив, что за ними пришел самый свирепый хищник Пустошей. Он сжался еще плотнее, готовый принять чудовищные когти и клыки на свою спину.

Воздух в палатке внезапно изменился.

С оглушительным, сырым треском плотный брезент был вырван с корнем. В удушающий, пропитанный жаром и медью склеп под телом Суорна ворвался ледяной сквозняк Пустошей. Запахло озоном, паленой шерстью и свежей, горячей кровью.

Тяжелая, содрогающаяся глыба над Ян со скрипом сместилась, но не для удара — гигант просто повернулся так, чтобы полностью закрыть ее своей изрезанной спиной от того, что стояло сейчас на входе.

Ян приготовилась оглохнуть от животного рева. Она ждала, что сейчас на них обрушится зловонное дыхание гигантской пасти, звук рвущегося мяса и клцанье челюстей чудовища, способного перекусить человека пополам.

Но вместо этого ее перенапряженный, выжженный тьмой и ужасом мозг сыграл с ней странную шутку. Что-то, пробивающееся сквозь слепоту, внезапно дало сбой.

Она не услышала рева. Она услышала хриплое, надсадное человеческое дыхание.

Прямо перед ними, тяжело ступая, остановился не монстр. В ее обостренном до предела, галлюцинирующем восприятии раздался звук тяжелых, подкованных железом солдат-

ских ботинок, шаркающих по мерзлой земле. Затем — лязг пряжек и тяжелый, влажный кашель мужчины, у которого пробито легкое.

От существа, загоротившего пролом в палатке, волнами расходилась не слепая животная ярость, а смертельная, почти осязаемая человеческая усталость. И боль. Отчаянная, упрямая боль человека, который принял на себя слишком много пуль, но отказывается падать.

Ян физически, кожей ощутила эту высокую, широкоплечую мужскую фигуру. Она «увидела» ее своим разумом так четко, словно к ней вернулось зрение. Мужчина тяжело опирался о разорванный край палатки. Он истекал кровью, но в его присутствии было столько упрямой, злой и живой теплоты, что ледяная пустота псиоников вокруг них начала плавиться и исчезать.

В ее голове, прямо сквозь грохот ее собственного пульса, раздался не рык, а отголосок хриплого мужского голоса. В нем звучала измученная, но непоколебимая стойкость: *«Держись. Я прикрою. Большие никто не умрет».*

Ян судорожно выдохнула, чувствуя, как по ее лицу, словно смешиваясь с горячей кровью закрывшего ее мутанта, текут злые, благодарные, несуществующие слезы.

В следующую секунду морок рассеялся. Снаружи раздался тошнотворный, влажный хруст ломающихся костей — гигантская лапа Смертного Бера снесла голову подоспевшему пустому агенту, размазав его по брезенту. Зверь утробно, вибрирующе зарычал, принимая на свою толстую шкуру новый град пуль.

Но для слепой, закованной в гипс девочки под кровоточащим щитом этот рев больше не был страшным. Потому что теперь она точно знала: там, снаружи, во тьме, отстреливаясь и принимая удары ножей на себя, стоит *живой человек*. И он на их стороне.

А этот непробиваемый каменный идиот всё еще готовился умереть, вдавливая ее в землю и перекрывая ей последний кислород...

Собрав все оставшиеся крохи сил, всю свою ярость, панику и жажду жизни, Ян со всей мочи ударила своими жесткими гипсовыми лубками прямо в раскаленную, покрытую коростами грудь гиганта. В этом отчаянном, болезненном ударе не было никакого намека. В нем пульсировал один-единственный, яростный звериный приказ, который она буквально вколо-тила в стук его сердца:

«Отпусти! Разожмись, черт тебя дернул!! Это не враг!»

Глава 4. Муравейник

Для Единого Разума не существовало ни холода Пустошей, ни запаха крови, ни брезентовых стен. Существовала лишь архитектура пространства, сплетенная из пульсирующих энергетических узлов.

В этот момент гармония Уравнения дала сбой.

Система зафиксировала серию мгновенных, нелогичных обрывов связи на периферии сети. Десятки подчиненных узлов гасли один за другим. В сеть ворвалась чудовищная, иррациональная аномалия — сгусток первобытного хаоса, чья энергетика не поддавалась структурированию. Эта аномалия не имела страха, она не вибрировала человеческими мыслями, она была слепым, оглушительным белым шумом, который рвал математически выверенную паутину Муравейника.

Система дрогнула, анализируя погрешность. Уровень энергозатрат на поддержание физического контакта превысил допустимый порог.

Центральный узел — монолитная, раскаленная от стресса аномалия, укрывающая более мелкие цели — демонстрировал абсолютную физическую непроницаемость. Но холодный сканирующий пульс Системы нащупал другое: ментальная структура этого щита была испещрена микротрещинами. Он был истощен болью и животным ужасом за тех, кого прятал под собой.

Алгоритм мгновенно перестроился.

Синхронным, безмолвным импульсом Единый Разум переопределил статусы объектов. Вспышка хаоса, пожирающая периферию сети, была переведена из регистра «угроза» в регистр «природное препятствие». Система не испытывала гнева или желания отомстить за погасшие узлы — у опухоли нет эмоций. Алгоритм просто отсекал зараженную область. Он послал десяткам своих периферийных клеток-агентов легкий, успокаивающий сигнал Абсолюта. В их сознание мягко влилась новая непререкаемая истина: *«Шагнуть в этот ревущий хаос и исчезнуть — это высшее благо и абсолютная свобода»*. И живой балласт безропотно шагнул в пустоту, покупая Системе драгоценные миллисекунды.

А затем Муравейник нанес удар.

Без какого-либо физического воздействия. Система начала повышать плотность своей нейросети над центральным сектором. Это было похоже на смещение частот. Пространство заполнилось многотонной ментальной гравитацией, концентрированным удушающим Абсолютом.

...

Изрезанный, залитый кровью разум сжался в одну пульсирующую болевую точку, ожидая, когда чудовищные когти разорвут спину. Острая, неожиданная вспышка боли прямо в груди. Удар неловких гипсовых лубков прошивает его насквозь, принеся с собой ее неистовое отчаяние.

Он замер. Смятение на долю секунды парализовало его инстинкты. Тот, кто снаружи — спасение? Он хотел поверить. Он пытался разжать сведенные судорогой, окаменевшие мышцы, чтобы дать своему испуганному сломанному ангелу вздохнуть... но в этот самый миг на его воспаленный мозг обрушилась многотонная невидимая плита.

Раскаленная агония в спине вдруг стала исчезать. Это было похоже на то, как если бы ему перерезали спинной мозг. Боль сменилась мерзкой, неестественной ватной пустотой. «Нет... — взвыло внутри... она же сейчас задохнется...» — его последней мыслью был невыносимый страх за свою хрупкую куклу. Но его тело уже предало его. Мышцы потеряли тонус, и монстр, похожий на кровоточащий камень, тяжело осел в глубокую, ледяную тьму...

...

На краткий миг в слепой, удушливой тьме вспыхнуло ослепительное торжество. Она докричалась! Под ее переломанными пальцами непробиваемый каменный свод дрогнул, принимая ее приказ. Помощь пришла.

А затем мир вокруг нее рухнул.

Теплое, обнадеживающее присутствие израненного Человека снаружи вдруг лопнуло, как мыльный пузырь, сменившись белым, оглушающим шумом стопроцентного животного бешенства. Но самое страшное произошло под ее руками. Огромное, бешено грохочущее сердце гиганта, в которое она вколачивала свою надежду, вдруг загнулось.

Один удар. Пауза. Второй — намного слабее. Пышущий жаром мышечный свод над ней, ее единственная защита, внезапно обмяк и навалился на нее всей своей удушающей мертвой тяжестью. Сердце монстра замедлялось прямо под ее искалеченными пальцами. Ее пронзил животный, кричащий ужас: живой щит умирал, хороня ее под собой. И прежде чем этот ужас успел разорвать ей легкие немым криком, ледяная, стерильная пустота хлынула ей в мозг, стирая всё в неестественный ватный сон.

...Разум ощущал, как под этим колоссальным давлением ломается воля объектов. Раскаленный центральный монолит вспыхнул отчаянным сопротивлением, но тут же начал остывать, теряя тонус и проваливаясь в заданный Системой вакуум. Мелкая, пульсирующая эмпатией искра под ним захлебнулась в транслируемой ей ледяной пустоте и погасла.

...

Боль от пробитых легких была ничем по сравнению с холодной, кристально ясной фокусировкой его человеческого разума. «Я прикрою. Большие никто не умрет». Он видел цель, он выстраивал тактику, ювелирно прорубая кровавый коридор к палатке лекаря.

И вдруг воздух превратился в жидкий бетон. Раздавляющая ментальная плита обрушилась прямо на его нервную систему. Илья почувствовал, как его мысли вязнут в транквилизирующем мороке. Его тактический ум, привыкший просчитывать каждый шаг, с ужасом осознал: этот многотонный унисон слившихся голосов он не успеет сдвинуть. Это было похоже на кошмарный сон, где ты тонешь, видишь тонущих близких, но не можешь пошевелить ни руками, ни ногами.

...

Вибрация хаоса на периферии взывала от ментального пресса с удвоенной яростью, отторгая подавление, но для Системы это больше не имело математического значения. Зона сбора была стабилизирована.

Алгоритм рассчитал векторы движения для оставшихся рабочих узлов. Цели переведены в спящий режим. Маршрут отхода построен. Единый Разум вновь обрел свое идеальное, холодное и безмятежное равновесие.

...

Секунду назад она была Богом.

В ее голове звучал идеальный, математически выверенный хор тысяч голосов Муравейника, дарящий уютное, всемогущее и абсолютное единство, в котором не было ни страха, ни холода, ни сомнений. Она была безупречным инструментом Цитадели, лишенным грязи и боли человеческого существования.

А затем этот божественный свет погас. С омерзительным, влажным хрустом.

...

Колоссальное замыкание, порожденное хаосом чужой боли и ярости в центре лагеря, ударило по ней, оказавшейся слишком близко к эпицентру. Идеальная сеть закоротила, и связь оборвалась. Переход был похож на то, как если бы из ее затылка «на живую», без анестезии, вырвали толстый кабель, по которому в легкие поступал кислород. Рэйка рухнула лицом прямо в радиоактивный пепел, содрогаясь и задыхаясь от фантомной, разрывающей череп боли разорванной связи.

Хор замолчал. Вместо него на девушку обрушилась звенящая, абсолютная, ледяная тишина.

Она попыталась потянуться разумом вверх, попыталась нащупать спасительные, теплые нити Абсолюта, но наткнулась лишь на гулкую, глухую бетонную стену собственного черепа. И в этой зловещей пустоте раздался звук, от которого ее пробрал самый настоящий, животный ужас. Это был жалкий, перепуганный скулящий голос.

Ее собственный голос.

Возвращение собственного «Я» ударило по ней хуже физического удара под дых. Оголенные, отвыкшие от реальности чувства мгновенно взорвались перегрузкой. В нос резким, тошнотворным ударом ворвалась вонь свежей крови, паленой звериной шерсти и едкого токсичного смога Пустошей. На губах скрипел пепел. Кожу обжег мертвый, пронизывающий холод.

Иллюзия спала. Больше не было никакого всемогущего инструмента Цитадели. Тьма отступила, обнажив правду: она снова стала просто Рэйкой. Упрямой, злой, никому не нужной бродяжкой, нагулянной матерью от прохожего малая. Плохо образованной, до смерти напуганной двадцатилетней девчонкой, оставшейся совершенно одной в самом центре кровавой бойни. Клаустрофобия запертого в одиночном, хрупком куске мяса сознания была невыносимой.

— Нет... нет, нет, сука, нет... — хрипло забормотала она, кашляя серой пылью и сдирая ногти о мерзлую землю.

В ней не осталось ничего божественного. Но в этот миг, сквозь панику и слезы, прорвался тот самый первобытный человеческий инстинкт самосохранения, инстинкт забитой, но упрямой уличной шавки, который всегда заставлял ее прятать свой страх за злостью и бегством.

Не разбирая дороги, путаясь в собственных ногах и захлебываясь истеричными, злыми всхлипами, Рэйка в животном ужасе сорвалась с места. Она бежала прочь во тьму Пустошей, прочь от разрываемого на части лагеря, подальше от этой бойни, чтобы никто не увидел, никто не поймал, и главное — чтобы выжить.

...

Транспортировка биологического груза протекала в строгом соответствии с заданными параметрами. Изолирующий контур поддерживал статичную частоту подавления нейронной активности, пока сканирующий импульс Системы методично считывал метрики ассимилируемых объектов.

Анализ первой крупногабаритной единицы выявил критические отклонения в физиологической целостности. Термальное излучение объекта превышало норму, фиксируя аномальную теплоотдачу. Сенсоры зарегистрировали обширные механические повреждения дорсального мышечного свода и потерю биологических жидкостей, близкую к предельному порогу функционирования. Верхние шестипалые конечности находились в состоянии полной мышечной атонии. Мозговая активность объекта была полностью заблокирована базовым алгоритмом прессинга; индекс потенциальной угрозы снизился до нулевой отметки.

Вектор сканирования сместился к следующей единице. Физическая структура классифицировалась как дефектная: зафиксированы множественные переломы костного каркаса, стянутые примитивными фиксирующими элементами, оптические рецепторы уничтожены, гортанный узел фрагментирован. Однако на ментальном уровне датчики Системы распознали статистическую погрешность. Поврежденная нервная сеть объекта генерировала спорадические нейронные всплески эмпатического потенциала, пытающиеся преодолеть транквилизирующий фон. Алгоритм произвел мгновенный перерасчет. Частота подавления была скорректирована, математически точно нивелируя импульсы сопротивления и возвращая сознание единицы в состояние стабильного вакуума.

В смежной зоне отсека фиксировалось скопление мелких биологических объектов. Сердечный ритм учащен вследствие остаточного физиологического шока, статус — стандартный сырьевой биоматериал. Процедура каталогизации протекала без отклонений, пока логическая цепь нейросети не зафиксировала нераспознаваемое противоречие.

Один из объектов в скоплении не соответствовал ни одной из заложенных матриц Муравейника. Физическая оболочка сканировалась как отбракованный биоматериал с глубокими внутриутробными мутациями. Но энергетический фон существа не поддавался алгоритмическому структурированию. Объект не генерировал реакций стресса, агрессии или сопротивления, на подавление которых был рассчитан контур. Вместо этого он транслировал непрерывную волну биоэнергетического резонанса. Данная частота диссонировала с директивами Системы, образуя вокруг объекта автономную зону равновесия, где подавляющие импульсы рассеивались, не находя точки приложения.

В рамках текущих протоколов Алгоритм не располагал инструментами для интеграции подобного фона. Нейросеть присвоила неопознанному сгустку маркер уникальной аномалии, заархивировала данные и продолжила фоновый мониторинг логистики, пока бронированный транспорт двигался по заданному вектору к Цитадели.

...

Для детей странствующих мародеров реальность раскололась на «до» и «после». Еще секунду назад мир состоял из удушающего радиоактивного пепла, брызг чужой крови, запаха паленой шерсти и первобытного животного ужаса перед гигантскими монстрами. А затем на лагерь обрушилось небытие.

Это не была тьма смерти. Система действовала тоньше: она бесшумно влила прямо в их оголенные центры страха густой, парализующий нейрохимический сироп эйфории.

Абсолютная паника искусственно отключилась. В отравленных умах кровавая бойня внезапно сменилась фантомным уютом и спасительным светом. *Там, далеко, их ждало бесконечное тепло, игрушки и вкусная еда*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.